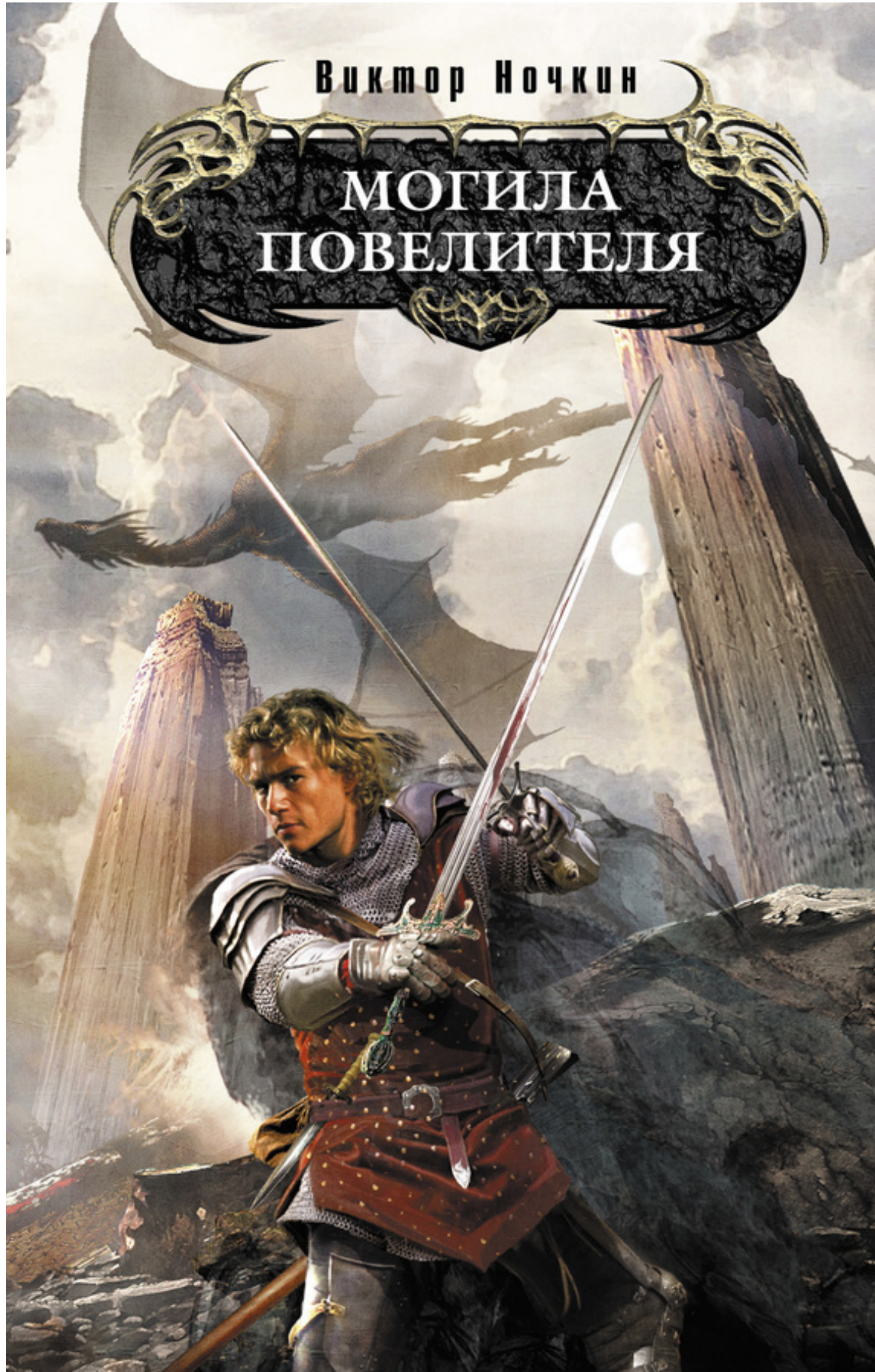

Виктор Ночкин

МОГИЛА ПОВЕЛИТЕЛЯ

Собиратель зла

Виктор Ночкин

Могила повелителя

«Автор»

2009

Ночкин В.

Могила повелителя / В. Ночкин — «Автор»,
2009 — (Собиратель зла)

Огромные территории, окруженные магической Завесой, превратились в гигантское игровое поле. Повелитель Тьмы, погребенный под Серым Камнем, продвигает свою единственную черную фигурку – и все армии мира приходят в движение, захваченные врасплох Кордейлом-младшим, собирателем зла. Добрые братья в белых плащах и хищники Феттаха Повелителя Зверей, латники Ройнгарда Железной Руки и холодные ветры Ведьмы Севера, ополчения городов и баронские дружины – все они становятся шахматными фигурами на круглой доске внутри Завесы... Никому из игроков неизвестно, чем завершится партия. И может ли такая партия быть завершена?

© Ночкин В., 2009

© Автор, 2009

Виктор Ночкин

Могила повелителя

© Ночкин В., 2009

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2009

* * *

В южных областях Круга крестьяне только приступали к жатве, медленно и неспешно, а на севере урожай заканчивали свозить в риги и амбары. Северяне спешили, поглядывая то в темное, набухшее дождем небо, то в сторону заката – не покажутся ли на горизонте дымы? Причиной спешки была не только непогода, насылаемая Анелой Ведьмой Севера. Крестьяне торопились успеть до начала нашествия. Каждый год Капитан Ройнгард Железная Рука выступал в поход. Лорд Тьмы проходил с армией по северо-западной части Круга.

Поначалу местные сеньоры и городские общины пытались оказывать сопротивление – собирали отряды, просили помощи Ордена... После падения Повелителя у многих возникли иллюзии, будто теперь все будет хорошо.

Но у Капитана Ройнгарда было собственное представление о том, как следует устроить жизнь в Круге без Повелителя, Лорд быстро вколотил в соседей почтение к собственным полководческим талантам, теперь никто не осмеливался встать на пути Железной Руки, когда он отправлялся в ежегодный осенний поход. Сопротивляться было невыгодно – побежденных Ройнгард обирал до нитки, а путь движения его армии оказывался отмечен пожарами и виселицами. С тех же, кто склонялся перед великим воином, Лорд брал пятую часть урожая. Железная Рука не пытался распространить собственную власть за пределы территории, когда-то отведенной ему Повелителем, ежегодные марши по окрестным землям были его любимой игрой, а Лорд дорожил своими развлечениями. В конце концов, рассуждал Ройнгард, эти люди платили налог Повелителю, и даже больше, чем пятая часть урожая. Лорд с собратьями избавил Круг от старого змея, так что имеет право унаследовать хотя бы часть доходов прежнего владыки...

А ему, Ройнгарду, эта дань необходима, чтобы прокормить вассалов. Его земли страдают от проделок Ведьмы Севера не меньше, чем соседские, а людям Капитана недосуг заниматься крестьянским трудом. Лорд заставлял подданных неустанно упражняться с оружием. Все жители северо-западного сегмента пограничья – воины, даже женщины и подростки. Железная Рука играл, его правление, его жизнь стали игрой в солдатики. Лучших он зачислил в постоянное войско, и их было почти пятьсот – воины, прислуга, обозные. Отборные, отлично вышколенные воины.

Пять сотен – немного. Но если бы в земли Лорда вторглась вражеская армия, Капитан мог вывести в поле больше полутора тысяч вполне вооруженных и худо-бедно обученных бойцов. Поскольку они заняты воинскими упражнениями, кормить их приходится соседям – и пусть последние будут благодарны, что дань относительно невелика! Пожелай Лорд Ройнгард, он мог взять куда больше! Он мог взять все.

Этими рассуждениями Лорд ни с кем не делился, поскольку считал, что не нуждается в оправданиях, дань он взимает с соседей по праву сильного – этого вполне достаточно.

Обычно Ройнгард брал в ежегодный поход три-четыре сотни человек. Небольшая маневренная армия быстро совершала обход окрестностей, Лорд взимал дань и возвращался домой спустя месяц после начала марша. Сейчас Капитан вел более шести сотен человек, он взял с собой пеших стрелков и щитоносцев, а в обозе за армией везли разобранные осадные машины.

Капитан, высокий статный мужчина в тяжелой броне, ехал во главе громоздкой колонны. Армия тяжело бряцала металлом, и Капитан, с ног до головы закованный в сталь, громыхал и лязгал в такт поступи коня... Лицо в тени под тяжелым шлемом тускло светилось – и казалось отлитым из металла. На правой руке от локтя вниз панцирь вздувался тяжелым цилиндрическим протезом, который оканчивался не ладонью, а массивными щипцами – три кованых изогнутых стержня, сходящихся, как кузнечные клещи.

Оглядываясь, Капитан с удовлетворением видел вытянувшуюся по тракту армию, над которой вставало пыльное марево. Серая дымка поднималась к низкому небу и сливалась с тяжелыми тучами. За ней не было видно хвоста колонны, но Железная Рука знал, что нынче его сопровождает особенно многочисленное войско. Пыль, поднятая марширующей армией, была земным знаком небесам.

Нынче Лорд Ройнгард собирался поиграть более основательно.

* * *

Осень на севере – серо-стального цвета. Небеса, набухшие низкими тучами, убранные поля, ошетилившиеся жесткой стерней, лужи в колеях на дороге, голые деревья в рощицах – все напоминает цветом старое железо, слегка тронутое ржавчиной там, где с кленов облетела рыжая листва... Изредка встречались строения – чаще руины, реже такие, какими пользуются. Стены были серыми – под стать цветам северной осени. Мрачные люди, живущие в этих домах, не старались сделать жилье красивым, радующим глаз. Какой смысл? Каждую осень солдаты Лорда Тьмы проходят здесь маршем, жгут и разрушают. Местные не думают о красоте, им бы выжить... Вовремя заметить опасность, притаиться, спрятаться или бежать.

Вот и теперь округа была спокойна и удивительно неподвижна: ни движения, ни дымка. Все живое бежало перед армией Капитана Ройнгарда. Лорд не без удовольствия озирает из-под тяжелого забрала пустынные окрестности. Ему было чем гордиться: эту землю превратил в серую пустыню не кто иной, как он, Капитан Ройнгард Железная Рука. Этот край когда-то, до Повелителя Тьмы, был одним из центров цивилизации, здесь располагались цветущие города и богатые поместья, а по дорогам двигались сотни путешественников, торговцев и паломников... Потом явился Повелитель, прежние королевства пали, новый владыка перекроил границы по своему. Затем он установил Завесу, торговые тракты потеряли смысл, поскольку теперь вели в никуда.

Эта земля стала пограничьем, а когда Повелитель отдал ее Лорду Ройнгарду, вояка довершил разорение ежегодными набегами. Конечно, в том, что север Круга ныне пребывает в запустении, есть вина и Анелы, ее ветров и снежных буранов... Но Ройнгарду было приятно считать, что этот край погубил именно он. Руины, запустение, железная земля под железным небом – таков мир Ройнгарда.

На горизонте показалась башня, единственное поместье в такой близости от границы. Прочие господа давно сгинули либо увязали имущество и отправились на юг искать спокойного местечка. Трусами Повелителя и его Лордов в Круге появилось немало выморочных владений, есть где устроиться человеку, наделенному хотя бы небольшой толикой предприимчивости.

Все удрали, и только этот помещик остался в родовом замке. Разумеется, он исправно платит дань Железной Руке, каждую осень – пятая часть урожая. Ройнгард улыбнулся – ему пришло в голову, что старая башня торчит посреди пустынной равнины, словно последний зуб во рту дряхлого старика. Владелец замка и был стариком, дряхлым и немощным. Сыновья его сгинули, пытаясь воспротивиться Капитану Ройнгарду, когда тот совершал первые походы, а старик выжил – последний в роду. Ему незачем бежать на юг, нечего спасать, некого пытаться уберечь от Лорда Тьмы. Возможно, поэтому он и держится за свое гнездо. Конечно, если бы Железная Рука пожелал, давно мог убить старикашку или разрушить замок, чтобы тому волей-

неволей пришлось убраться. Но Ройнгард не хотел этого. Единственный помещик в приграничной полосе стал приметой, отличительной чертой края, какой бывает одинокая скала или вросший в землю каменный столб на перекрестке. К тому же старик был безумен. Иногда Ройнгарду казалось, что они немного похожи – могущественный Лорд Тьмы и дряхлый безумец. Оба рассуждали сходным образом, оба никого не боялись и делали, что пожелают а не то, что считает правильным большинство...

Лорд заметил на дороге движение – возвращается разъезд. Коричневые плащи воинов Железной Руки отчетливо выделяются на сером полотне дороги. Капитан не стал останавливаться – незачем задерживать колонну. Случись что, дозорные неслись бы во весь опор, разбрызгивая ржавую воду, собравшуюся в дорожных колеях. А если кавалеристы рысят без спешки, значит, округа спокойна.

Всадники приблизились, передний торопливо поклонился в седле, громыхнув доспехами. Когда он выпрямился, складки на груди разгладились, на плаще четко обрисовался герб Ройнгарда – серая пятерня с растопыренными пальцами на коричневом.

– Мой Лорд! Все по-прежнему. Безумный Гойт Ловлих заперся в своем замке.

Да, безумного старика зовут Гойтом Ловлихом...

* * *

Ройнгард поднял руку – левую, разумеется. Сжал пальцы и махнул, указывая направление по тракту. Это был знак колонне продолжать движение. Лорд дернул повод, разворачивая жеребца, и свернул к замку. Два десятка кавалеристов последовали за господином. Остальные не стали покидать строй.

Чем ближе, тем отчетливей вырисовывались старые стены – грязные, с темным потеками под парапетом. Уже давно никто не заботится о том, чтобы поддерживать укрепления в порядке.

Перед замком под наскоро сколоченным навесом были сложены мешки – пшеница и ячмень. Поодаль – круги сыра, сложенные в пирамиду, два окорока. К столбу, поддерживающему хилую кровлю, привязана тощая корова, овцы... Так повелось уже довольно давно – слуги сумасшедшего старика оставляли пятую долю урожая и годового приплода скотины для Железной Руки. Он несколько раз велел проверить – оруженосцев Лорда впускали в замок и показывали закрома и скотный двор. Безумец рассчитывался всегда скрупулезно точно. Верней, не сам рыцарь, разумеется, а кто-то из немногочисленной дворни. Вассалы сумасшедшего – большей частью такие же старики, как и господин, но кто-то из них хорошо умеет считать.

Ройнгард скользнул взглядом по убогой дани и поднял голову. На площадке выше запертых ворот стояли люди – обитатели замка собрались поглядеть на знаменитого Лорда Тьмы. В центре группы выделялся господин, тощий, долговязый, загорелый. Старикан кутался в коричневый плащ, под которым виднелась ржавая кольчуга. На всклокоченные седые патлы рыцарь напялил шлем, наполовину оторванное забрало косо висело над левым глазом. Когда Ройнгард уставился на старика, тот поднял правую руку и хрипло заорал что-то неразборчивое. На руке была массивная боевая рукавица, кованая, тяжелая. Старик то ли приветствовал Спасителя Мира, то ли грозил – поди разбери, что взбредет в голову безумцу!

Хозяин замка опустил руку, складки коричневого плаща разгладились, и Капитан разглядел на груди безумца грубо намалеванную ладонь с растопыренными пальцами, жалкую пародию на эмблему Лорда Тьмы. Теперь Ройнгард сообразил, что означает перчатка на правой руке старика – сумасшедший подражает ему, Лорду. Он хочет сказать, что он тоже Железная Рука. Ройнгард удивился – до чего созвучным его собственным мыслям оказался бред старика...

Лорд обернулся к оруженосцу:

– Мы не станем ничего брать здесь. Скажи этим людям, Капитан Ройнгард делает им подарок.

Кавалерист коротко кивнул: «Да, мой Лорд!» – и направил коня к воротам замка. Ройнгард не слышал, что говорил его человек, зато старик принялся орать так, что было слышно издалека:

– Ну что, олухи? – Это он обращался к слугам. – Думали, я спятил? Думали, я безумен? Не верили? Не верили, что я – Железная Рука? Я – это он! Он – это я! Я не беру у себя! Железная Рука не берет у себя! Я – Лорд Тьмы! Ха-ха-ха! Я безумен! Потому что я Лорд Тьмы!

Капитану Ройнгарду стало немного не по себе, Лорд не мог понять, нравится ли ему эта история с сумасшедшим Гойтом Ловлихом? Пожалуй, незачем раздумывать, проще выбросить безумца из головы. Лорд кивнул всадникам конвоя и тронул бока жеребца железными каблуками поножей. Конь послушно понес господина к тракту, по которому маршировала непобедимая армия Лорда Железной Руки. Вымуштрованные пехотинцы в коричневом топают в ногу, держа равнение в шеренгах, над головами мерно покачиваются длинные наконечники пик. Потом арбалетчики, в подвешенных к поясам футлярах с каждым шагом мерно позвякивают крючки и болты. Дальше ползут громоздкие повозки с разобранными осадными машинами, над дорогой горбятся причудливые силуэты.

Они движутся на восток. Там Лорда ждут развлечения.

* * *

На второй день армия свернула к юго-востоку. Здесь местность была обжитая, поселения не терялись на серой равнине среди руин и пустошей.

Холодное дыхание Анелы в этих краях ощущалось слабее, и металлический оттенок осеннего дня оказался разбавлен красками поярче. Не успевшие выгореть на солнце черепичные крыши, зеленые луга, кое-где – выбеленные стены храмов Света. Разумеется, жители успели попрятаться, кто укрылся в замках сеньоров, кто – за старинными кольцеобразными валами, которые возвели предки для защиты от кочевников.

Кочевники давно сгинули, растворились в потоке веков, набеги прекратились в незапамятные времена – до Повелителя, даже «до старого королевства», как говорили местные, если хотели подчеркнуть, что событие случилось в седой древности. Теперь только земляные укрепления напоминают о варварах.

Разумеется, ни старинные валы, ни замки не могли бы защитить от армии Лорда Тьмы, надежды беглецы возлагали на равнодушие Капитана ко всему, что не было связано с риском. Железная Рука прекрасно знал, как легко может овладеть любым из этих жалких укреплений, а потому не интересовался ими. Довольствовался пятой частью урожая.

В этот раз армия Лорда не стала задерживаться даже для того, чтобы собрать ежегодную дань. Ройнгард торопился – хотел успеть до начала дождей. Он даже отправил посыльного к Ведьме Севера, просил не торопить наступление холодов. Да, Лорд пошел на такое унижение, просил... хотя не любил вздорную старуху Анелу. Ничего удивительного, конечно. Дружба между Лордами Тьмы – редкое диво. Ведьма Севера дала уклончивый ответ, так что Железная Рука даже усомнился, а вправду ли изменения климата в Круге зависят от прихотей Анелы? Возможно, она нарочно распускает слухи о собственном могуществе, а на деле неспособна повлиять на погоду. Но, так или иначе, тусклое тяжелое небо, набухшее влагой, пока что не послало дождя, и Ройнгард спешил.

Обитатели окрестных поселков, должно быть, возносят теперь молитвы Свету – на этот раз Железная Рука идет мимо! Ничего, он заглянет к ним на обратном пути... либо пришлет кого-нибудь. Эти мелкие заботы не развлекают Капитана.

На третий день колонна пересекла вброд неглубокую речушку, несущую мутные воды к Боделю. Капитан остановил марш, чтобы пехотинцы помогли обозной прислуге переправить тяжелые повозки, затем велел поспешить. Цель похода была близка. Лорд Тьмы хотел увидеть ее до темна – и успел. Серые тучи на миг разошлись, показалось опухшее светило... и багровый закатный луч, последний луч умирающего дня, осветил длинные стены на горизонте. Айхерн, столица старого королевства, древний славный город... Прежде Ройнгард никогда не взимал дань так близко к центру Круга. Он не раз совершал быстрые набеги во главе отборного отряда кавалерии, случалось, появлялся в виду Айхерна, но к стенам никогда не подступал.

Айхерн был хорошо укреплен, а население его, многочисленное и гордящееся старинной славой, не подчинялось никому с того самого дня, как был повержен Повелитель. Едва услышав о падении тирана, община объявила о независимости. Некоторое время шли разговоры о восстановлении монархии – считаться столицей королевства престижно! Но подходящих наследников сыскать не удалось. Несколько семей в округе заявляли о родстве с прежней династией, однако подходящим мог считаться лишь такой наследник, который согласился бы царствовать, но не править: покладистый, сговорчивый, не претендующий ни на что, кроме титула. Городские старшины не обнаружили среди претендентов ни одного олуха, на чью голову не страшно было бы нацепить корону, а посему все кандидаты были отвергнуты – один за другим. Айхерн стал коммуной, многочисленное городское ополчение сумело дать отпор окрестным сеньорчикам... и Железная Рука до поры не являлся сюда с войной.

Ройнгард не боялся вооруженных бюргеров. Дело было в другом – Капитан, как и прочие Лорды Тьмы, опасался приближаться к Серому Камню, а под стенами Айхерна он уже чувствовал черное дыхание погребенного, но не умершего Повелителя. Теперь время пришло – Лорд Тьмы Ройнгард Железная Рука желал бросить вызов Айхерну. Для того он и привел нынче большее войско, для того в обозе осадные машины. Новая игра – штурм города. Давненько Лорду не выпадало такого славного приключения.

Пока не погас последний, подслеповатый и тусклый луч, Лорд Ройнгард разглядывал Айхерн. Обширный город раскинулся на двух холмах. На высоком, обрывистом – развалины королевского дворца, разрушенного Повелителем. Их так никто не восстановил, и солнечный свет пробивается сквозь окна обращенной к западу стены, даже издали видно, что противоположная часть строения обрушена.

Другой холм – пониже, с пологими склонами, зато более широкий – густо застроен. На плоской вершине теснятся высокие сооружения: здание Совета коммуны, храмы Света с выбеленными стенами, отели сеньоров и городских патрициев. Улочки узкие, место на вершине стоит дорого, ограды и глухие стены нижних этажей складываются в причудливый лабиринт. Это даже не улицы, а тщательно отмеренные границы между владениями важных персон.

Башни и шпили тянутся к небу, будто стараются увеличить высоту холма, сравняться с развалинами, нависающими над новым центром, но не могут, не в силах. Королевский дворец, пусть и лежащий в руинах, по-прежнему возвышается над вторым холмом. На склонах выстроили дома богатые купцы. Чем ближе к вершине, тем престижней. Здания щеголяют свежей краской, а также широкими лестницами, резными колоннами, статуями на фронте – словом, всем тем, что прежде, во времена монархии, было запрещено простолюдинам. Освободившись от власти Повелителя, купцы кинулись возводить новые дома, украшать их и соревноваться в роскоши фасадов.

В ложбине между холмов – рыночные площади, а вокруг – мастерские, ремесленные кварталы, кладбища и пустыри. До прихода Повелителя город рос, жителям становилось тесно внутри стен. После падения королевского дома население Айхерна только уменьшается. Поэтому, хотя город на протяжении десятилетий не знает войн, никто не строится за пределами оборонительного пояса. Нет нужды, ибо внутри стен достаточно места. До сих пор видны следы

прежних бедствий – целые кварталы разрушенных домов, заброшенные мастерские, поросшие бурьяном, заваленные обломками и мусором.

Однако Ройнгарда не интересовала история города и особенности архитектуры. Он глядел на укрепления, осматривал подступы к стенам, оценивал высоту и расположение башен.

Тучи снова сошлись на востоке, сомкнулись, словно ворота крепости, – и красное свечение погасло, Айхерн и окрестности разом погрузились в сумерки. Железная Рука огляделся – оруженосцы и военачальники ожидали его слов.

– Станем лагерем здесь, – велел Капитан, – к городу подступим завтра.

– Мы можем расставить заставы и выслать разъезды, чтобы не выпускать из города гонцов, – осторожно заметил молодой кавалерийский сотник.

Ройнгард снисходительно улыбнулся:

– Нет, это ни к чему. Пусть шлют гонцов, пусть приглашают союзников, пусть просят помощи у Ордена. Чем больше соберут, тем лучше, тем интересней у нас получится война... Кстати, нужно будет запомнить, кто окажет содействие городу, в следующем году мы раздавим их.

Пристыженный сотник потупился, а военачальники постарше согласно кивали – под началом Лорда Тьмы они неизменно били любого врага, какова бы ни была его численность. Ройнгард подобрал себе помощников под стать, эти любили военную игру не меньше, чем предводитель, они могли часами обсуждать тонкости стратегии, спорили до хрипоты, что было бы, если бы в той стычке у того-то оказалась лишняя полусотня всадников, если бы не отстал арьергард, если бы не истощился запас стрел, если бы в той битве, четыре года назад, зайти правее или, наоборот, отступить... Славные люди, настоящие солдаты! Скоро они будут обсуждать осаду Айхерна и подолгу спорить по поводу действий саперов и стрелков...

* * *

Лагерь Лорда ночью никто не беспокоил: горожане совещались и никак не могли решиться сделать хоть что-то. Бюргерам не хотелось воевать, тем более что Рейнгард явился слишком уж вдруг, внезапно. Войско Капитана было невелико, но слава непобедимого полководца, конечно, пугала горожан. С другой стороны, в Айхерн теперь сошлись окрестные помещики со своими вооруженными людьми, город был наполнен отрядами драчливых холопов. Эти парни, вооруженные, нахальные, шумели в питейных заведениях, задирали городских и ссорились друг с другом... Кое-кому в Айхерне такие защитники казались худшим бедствием, нежели нашествие Лорда Тьмы.

Сеньоры не слушали жалоб и, вместо того чтобы унять буянов, напротив, поощряли забияк. Поведение вассалов соответствовало их представлениям о чести и престиже. Многие господа – особенно те, кто был помоложе, вступил во владение недавно и не видел Лордов Тьмы в сражении, – хотели биться. Старики отговаривали, советовали отсидеться за стенами, так безопасней. Скоро распутица, и Железная Рука уберется восвояси. Словом, за ночь в городе не пришли ни к какому решению и даже не назначили военачальника – хотя прозвучало немало мудрых слов о необходимости действовать сообща... Когда глава айхернского представительства Ордена предложил себя в качестве командира – его подняли на смех. Рыцарь в белом обиделся и заявил, что отправил гонца в Дом Света и не станет участвовать в схватке, если ему не окажут должного уважения.

Утром Рейнгард выстроил солдат в боевой порядок, и войско двинулось к стенам. Отряды маршировали, выдерживая неправдоподобное равнение. Отряды пехоты, мерно топая, дружно вбивали тяжелые сапоги во влажную почву, и даже пики, вздернутые к небесам, раскачивались в такт. Повозки с осадной техникой катили следом, позади шеренг.

Лорд остановил людей напротив городских ворот – на порядочном расстоянии. Он оставлял достаточно места, чтобы городским было где выстроиться, если придет охота сразиться в поле. На стенах Айхерна плечом к плечу теснились люди – и вооруженное ополчение, и любопытные. Было много женщин и стариков – все пришли поглядеть на армию Лорда Тьмы. Городской Совет ничего не объявлял, зеваки гадали, что случится теперь...

Наконец на улице, ведущей к воротам, затрубили трубы, мальчишки побежали поглядеть, что происходит. Пронеслось известие – магистрат решил вступить в переговоры. Потом появились старики из Совета, сопровождаемые трубачами, глашатаями и знаменосцами.

Ополченцы оттеснили толпу от ворот, чтобы освободить дорогу. По приказу старшин знаменщик поднялся на бастион и замахал белым флагом.

К воротам снаружи приблизился оруженосец Железной Руки и объявил, что его господин не настроен заводить переговоры, но готов гарантировать безопасность парламентарам. Пусть только говорят коротко, потому что Лорду не терпится приступить к делу. Старшины замялись – никому не хотелось рисковать жизнью и покидать город. Оруженосец предложил себя в качестве заложника...

На переговоры отправились трое – все дряхлые старики, двое айхернских синдигов и землевладелец, представитель богатой родовой семьи. Впрочем, этот предупредил, что не станет говорить от имени всех владетелей, поскольку не сеньор благородным господам, которые сошли в город, а они ему не вассалы. В тираде содержался намек – этот старик принадлежал к фамилии, в свое время претендовавшей на трон. Сейчас вельможа хотел сказать, что поддержки айхернская община в свое время его притязания – теперь он мог бы требовать у знатных воинов подчинения. А поскольку он не король – нет, не может! Намек был понят, но проигнорирован – синдикам было не до того, чтобы ворошить прежние дела.

Итак, трое парламентаров отправились в поле, Лорд выехал навстречу. С минуту старики выборные косились друг на дружку, никто не мог решиться. Наконец заговорил дворянин.

– Ваша милость... Сэр... э... Капитан... Капитан Ройнгард... – и смолк.

– Желаете осведомиться о моих целях? – пришел на помощь собеседнику Лорд Тьмы. – Я собираюсь напасть на Айхерн, взять приступом, предать огню и мечу. Общину ждет разорение, и ваши жилища будут разрушены, обращены в руины – под стать тем, что на верхнем холме. Айхерн падет, исчезнет, это название сотрут с карты Круга, и на развалинах ваших отелей и паласов поселятся дикие звери. Жители будут убиты, а имущество разграблено и уничтожено.

Престарелый сеньор приоткрыл рот и замер, впечатленный картиной грядущих бедствий. Тогда заговорил старшина купцов:

– Но, ваша милость, может, мы не станем доходить до таких крайностей? В Айхерне известен ваш обычай, и мы, пожалуй, готовы отдать пятую часть урожая...

– Это было раньше, – перебил старика Ройнгард. – Теперь у меня другие желания.

– Другие? Четверть урожая? Нет? – Старик вглядывался в тень под забралом и пытался угадать, что на уме у Лорда Тьмы. – Треть? Прошу прощения, я не уполномочен принять такие условия, нам бы посоветоваться...

– Нет, речь не идет о доле урожая, – заявил Капитан.

– Что же тогда?

– Готовьтесь к бою. Сможете победить мою армию – спасетесь. Не предлагайте мне выкуп, я твердо решил захватить Айхерн в бою. Поглядите, перед воротами достаточно места. Я готов даже немного отступить, чтобы вашему войску было где выстроиться.

– Но... может, все-таки?..

– Все-таки?

– Может, мой господин, вы назовете условия.

– Я мог бы потребовать ваших дочерей, к примеру.

– И что тогда? – востропнул третий старец. У него не было дочерей, только сыновья. Внучек тоже не было. – Что, если мы согласимся?

– Тогда я стану убивать девочек перед городскими воротами. Одну за другой – до тех пор, пока вы не выйдете драться. Я желаю сразиться с Айхерном!

– Бессмысленно, почтенные, – пробормотал дворянин, – Лорд не желает мира.

– Очень хорошо, что мы понимаем друг друга. – Стальной шлем слегка качнулся.

– Но почему вы согласились говорить с нами, если все было решено заранее?

– Для того, чтобы в городе поняли: пощады не будет. Я хочу, чтобы вы дрались как следует.

* * *

Возвращаясь в город, парламентарии вяло спорили, следует ли передать слова Лорда Тьмы в точности. Тот синдик, что торговался по поводу урожая, считал, что угрозы Ройнгарда нужно скрыть от земляков, чтобы не возникло смятения в городских низах. А тот, у которого не было дочерей, полагал, что лучше сказать как есть, чтобы в самом деле заставить чернь драться изо всех сил. Дворянин помалкивал – ему было все равно. Он не ощущал страха, не питал надежд, им владела одна только огромная усталость. Жизнь прошла, старик не строил планов на будущее. После низвержения Повелителя этот сеньор мог стать королем, а когда Айхерн воспротивился – вельможа лишился цели. Теперь его заботило лишь одно: выглядеть по-королевски. Пусть короны ему не видать, но он всем видом давал понять окружающим – он достоин престола, и лишь злая воля низких людишек помешала получить то, что причиталось по праву... Если сейчас всем суждено умереть, этот старый дворянин желал принять смерть, как монарх – сражаясь во главе вассалов... а также тех, кто отказался стать вассалом. Пока городские препирались, он обдумывал, в какой плащ и в какие доспехи велит слугам облачить себя.

Да и какой смысл скрывать правду? Ройнгард дал городу час, чтобы подготовиться к битве. Потом все равно придется либо сражаться в поле, либо отбивать приступы... Впрочем, у кого есть лошади, могут сбежать.

Когда послы вступили в ворота Айхерна, город шумел. Оказалось, оруженосец Ройнгарда – тот, что оставался заложником, – уже объяснил местным волю Лорда Тьмы, и не имело значения, что именно скажут старики. Слова Железной Руки разошлись в толпе, и теперь горожане орали, перекрикивая друг друга – кто хотел бежать, кто драться на стенах... женщины рыдали, мальчишки веселились – они увидят настоящую войну! Мальчишки не боялись, они-то прекрасно знали, что с ними не случится ничего плохого... С мальчишками никогда не случается ничего плохого, такова их вера, их религия. Никогда! Ничего плохого! Ну, может, один раз, случайно. Мальчишки не желали понимать, что в бою достаточно одного раза.

А собравшиеся в Айхерне дворяне уже спешили к конюшням, где оставили лошадей, они собирались напасть на Лорда. Со стен было отлично видно, что войско Железной Руки невелико, да и состоит большей частью из пехоты. Рыцари постарше, более осмотрительные, протолкались сквозь толпу, окружившую городских старшин, и стали требовать, чтобы ополчение Айхерна следовало за кавалерией...

Глава представительства Ордена напрасно пытался перекричать толпу. Орденские братья достаточно часто имели дело с Лордами Тьмы и их воинами, они знали, насколько опасен этот враг... Рыцаря не слушали, люди сновали мимо, задевая белый плащ, никто не слушал предостережений.

Час миновал, но Лорд не предпринимал ничего – он прекрасно понимал, что имеет дело с неорганизованной толпой. В таком городе любое решение принимают не сразу...

В полдень городские ворота распахнулись – и из Айхерна потекла пестрая масса кавалерии. Помещики, их вооруженная челядь и городские патриции, желающие показать, что они

такие же воины, как дворяне, ничуть не хуже. В общей сложности не менее четырехсот всадников, тогда как все войско Лорда Тьмы, включая обозную прислугу, насчитывало едва ли шестьсот пятьдесят человек. Беспорядочно разъехавшиеся на поле под стенами всадники занимали места вдвое больше, чем вся вражеская армия – а за всадниками валила толпа пеших. Горожане, собравшиеся с оружием под цеховыми знаменами, неторопливо шли за кавалерией, выстраивались неуклюжими колоннами... Сквозь серую дымку показалось солнце, мутное, будто пиво на дне бочонка. Тусклые отсветы заиграли на полированных доспехах сеньоров и плохо начищенных касках ополченцев. Горожане оглядывались, мысленно пересчитывая численность соратников, молодые дворяне привставали в стременах, чтобы охватить взглядом толпу. Если у кого и были сомнения в исходе битвы, сознание собственного численного превосходства вмиг внушило уверенность, тем более что аккуратные колонны людей Капитана Ройнгарда занимали куда меньшую площадь, чем нестройные толпы горожан – оттого разница в численности казалась даже большей, чем на самом деле...

По мере того как толпа, выбирающаяся из ворот, продвигалась по полю, дворянская кавалерия подавалась все дальше, чтобы не теснились за спиной бюргеры. Из строя выехал старик – тот, что претендовал на корону. Перед ним молодые рыцари расступались, признавая некоторое превосходство почтенного и родовитого аристократа. Первый среди равных, вот как... Старик надел плащ в серую и зеленую полоску, цвета старого королевского герба. Он собирался возглавить атаку и погибнуть первым – но в сером и зеленом!

Глава Айхернского представительства Ордена тоже вооружился. Хотя он считал вылазку ошибкой, но собирался принять участие в битве, потому что полагал это своим долгом. Своим людям он велел не соваться вперед. «Для нас найдется дело, можете не сомневаться. Всем придется поучаствовать, так или этак», – заявил он добрым братьям. Воины в белом расположились позади пехоты, у самых ворот, как будто для того, чтобы сбежать первыми, если дело обернется плохо. Люди из братства тут же стали мишенью для шуток, но командир запретил огрызаться, и орденские стойчески переносили обвинения в трусости...

Молодые дворяне охотно посмеялись над белыми воинами, они были уверены, что в два счета раздавят малочисленное войско Ройнгарда, и уже заранее гордились победой над Лордом Тьмы.

Впрочем, Лорд тоже не испытывал сомнений насчет исхода схватки.

– По-моему, они уже готовы, – бросил Ройнгард, опуская забрало. – Начнем! Мы и без того потеряли слишком много времени.

* * *

Сперва дворянская кавалерия выступала медленно, отодвигаясь от стен по мере того, как из ворот изливался пестрый поток ополчения, потом старик в серо-зеленом выехал вперед и, размахивая мечом, прокричал что-то надтреснутым старческим голосом. Наверняка его слова были величественны и исполнены благородства, но на противоположном краю поля затрубили рога, подавая знак солдатам Ройнгарда... и тирада старого рыцаря потонула в хриплых боевых сигналах.

Кавалеристы перешли на рысь, сближаясь с противником. Круг не знал настоящих войн больше полувека, под властью Повелителя Тьмы на этой земле царил мир – организованными убийствами позволено было заниматься лишь слугам старого змея. Ну а когда владыка оказался повержен – не осталось ни государств, ни достаточно богатых правителей, таких, каким случилось бы вести правильные боевые действия. Грызня и междоусобицы случались постоянно, но в них участвовали небольшие отряды, поэтому выросло уже два поколения, не имеющих представления о настоящих сражениях. Нынешние воины Круга не знали ни стратегии, ни тактики, хотя за годы безвластия многие поднаторели во владении оружием. Молодым рыца-

рям было известно общее правило: в поле кавалерия непременно бьет пехоту. Стремительная атака, когда инерция и вес тяжело вооруженного всадника добавляют силы копейному удару – вот верный путь к победе! Сейчас им противостояли пешие солдаты Лорда Тьмы, и всадники были уверены в успехе.

Когда кавалеристы оторвались от цехового ополчения, пешие на миг замерли. Только что перед ними была стена лошадиных задов, пестрые попоны, ярко размалеванные щиты – и вдруг стало пусто. Более трусливым сделалось не по себе, но тут же раздались крики:

– Скорей, не отставай от конных! А то деревенские без нас управятся! Тогда добычи не видать!

Масса пехоты пришла в движение и потянулась за всадниками, хотя и медленно, потому что цеховые старшины, руководившие ополчением, не имели единого плана. А дворяне не оглядывались, они рассчитывали, что без помощи бюргеров одолеют Лорда Тьмы. Великая честь и славная добыча! В полутора сотнях шагов от противника они прищипорили коней, чтобы набрать разгон для первого, самого страшного, копейного удара.

Снова протрубили рога. Из строя темно-коричневых солдат Ройнгарда выступили арбалетчики. Сейчас они оставили большие щиты, которыми пользовались в перестрелке, и двигались налегке. По команде сержантов зарядили, вскинули арбалеты к плечу. Первый залп был сделан издалека и результат оказался не слишком впечатляющим, несколько человек покатились под копыта конницы, крики взлетели и тут же погасли, упавших растоптали те, кто скакал следом. Второй залп свалил около двух десятков всадников, теперь стрелки били прицельно – они метили в лошадей. Кто-то споткнулся, некоторые, успев разглядеть перед собой падающих соратников, натянули поводья, атакующий строй потерял монолитность, самые быстрые вырвались вперед, несколько всадников столкнулись, оглушительно лязгнув оружием... но остановить несущуюся галопом кавалерию арбалетчики уже не могли.

Пехотинцы в коричневом держались позади, чтобы не мешать арбалетчикам, после того как те зарядили оружие в третий раз соратники подступили к ним сзади, готовясь сомкнуть строй. Последний залп был сделан наспех, почти не целясь, стрелки швырнули арбалеты под ноги, сзади им передали длинные пики – и пехота сошлась в плотную массу. Солдаты в первом ряду пригнулись, упирая пятку копья в землю, пики второго ряда легли на плечи арбалетчиков, у этих древки были еще длинней – раза в полтора превосходили рыцарские копья. Кавалеристы нахлынули... замерли... Лязгнули доспехи... с оглушительным треском сломалось несколько пик... И тут же над полем прокатился отчаянный крик раненых людей и лошадей. С разбегу налетев на щетину широких стальных жал, всадники не сумели преодолеть эту преграду, сталкивались, отпихивали друг друга, несколько человек – те, кто менее уверенно держался в седле, или те, у кого лошади оказались хуже, – свалились под копыта, упавших растоптали... Конница откатилась, пехотинцы в коричневом шагнули следом, грозя копейными жалами, еще шаг, потом еще... Всадники вертелись перед непреодолимым частоколом отточенной стали, осаживали волнующихся коней. Под ними корчились умирающие, и не было никакой возможности им помочь, на бедняг снова и снова обрушивались тяжелые копыта.

Несколько человек развернули скакунов, вопя, что они ранены и нуждаются в помощи лекаря – скорей всего, их задел в сумятице соратники. Те, кто с разбегу наткнулся на острие, уже не кричали...

Рога протрубили – коричневый строй замер, и с правого фланга ударила кавалерия Ройнгарда. Лорд скакал первым, теперь протез был оснащен здоровенной обоюдоострой секирой на длинном древке, и широкий плащ развевался за его спиной, будто Капитан расправил крылья, а блестящее лезвие описывало круги над массивным шлемом Лорда Тьмы. Коричневые всадники треугольным клином неслись за Лордом, чуть-чуть отставая, чтобы не попасть под удар. Ройнгард врезался в первого кавалериста, опрокинул вместе с лошадью, лезвие секиры свалилось на шлем и разрубило сталь и кости черепа, Лорд вырвал оружие и снова ударил

наотмашь, за ним сплоченный клин вломился в разомкнутый строй дворянского ополчения, зазвенела сталь, взметнулись крики... Владетели продержались совсем недолго. Они все разом ощутили, что каждый – совершенно одинок перед сомкнутым строем одинаковых воинов в коричневом, каждому казалось, что острое клина направлено именно в его сторону. Их не объединяло ничто. Старик в сером и зеленом сгинул в круговерти сражения. Увы, его благородная смерть осталась незамеченной. Должно быть, арбалетный болт настиг вельможу в числе первых, и тело незадачливого принца крови так и не было найдено среди растоптанных, вбитых в измятые доспехи останков тех, кто оказался под копытами атакующей конницы...

Все смешалось, вассалы потеряли знамена господ, а сеньоры видели рядом только чужие цвета. Всадники Айхерна перестали быть войском и превратились в перепуганных беглецов.

* * *

Когда волна атакующей кавалерии налетела на строй копейщиков и замерла, предводитель орденовских воинов с тяжелым вздохом объявил:

– Пора, братья.

Воины в белом развернулись и двинулись вдоль стены вправо. Они собирались занять позицию в стороне, но, чтобы не прокладывать путь в густой толпе ополчения, прошли позади пехоты. Цеховые оглядывались, некоторые неуверенно окликали белых:

– Куда? Что случилось?

– Отступайте в город! – отзывался глава представительства. – Возвращайтесь! Не суетитесь, без спешки входите в ворота! Продвигайтесь по улицам, освобождайте место тем, кто шагает следом! Не толпитесь! Отступайте в город!

Кое-кто хотел бы последовать совету доброго брата, но старшины не командовали отход, отряды цехового ополчения продолжали медленно продвигаться по полю вслед за кавалеристами. Пешим в толпе не было видно, что атака конницы захлебнулась, они еще не поняли, что сражение уже проиграно.

Тем временем всадники уже колебались. Кое-кто еще пытался отразить атаку клина, возглавляемого Лордом Тьмы, а менее храбрые уже разворачивали коней. Теснимые копейщиками, кавалеристы Айхерна сбились в кучу, теперь всадники сталкивались, отпихивали друг друга, стальные латы гремели, над полем стоял крик – были раненые, кто-то, уже не скрывая страха, орал, чтобы его пропустили, иные требовали сражаться... Ройнгард ломился сквозь пеструю толпу всадников, топор в его искалеченной руке описывал широкие круги, массивное лезвие разваливало все, что попадало под удар, – вокруг Капитана разлетались кровавые ошметки, обломки оружия и исковерканные доспехи. Огромный гнедой конь, на котором восседал Лорд, потерял разгон, теперь он тяжело шагал по грудам изломанной стали и вопящей плоти, которую нагромоздил перед ними хозяин. Коню было привычно.

Вскоре Ройнгард оказался с ног до головы покрыт чужой кровью, влага пропитала плащ, крылья опали... Клин кавалеристов следовал за Лордом в нескольких шагах, вонзаясь в пробитый предводителем коридор, всадники в коричневом били копьями в стороны, метя в лицо. Разрыв посреди толпы кавалеристов быстро расходился, будто человеческое тело, в которое вонзается отточенный клинок. Казалось, ничто не в силах остановить размеренный натиск, никакая сила не сможет удержать вращение секиры Ройнгарда. Попадись ему на пути скала – разлетится в щебень... Многим, кто оказывался на пути Лорда, хотелось бы сбежать, но их со всех сторон стискивали, подпирали соратники. Несколько дворян – скорее от отчаяния и бессильной досады – дружно бросились на Ройнгарда, беспорядочно разя мечами и палицами. Топор Капитана пошел ниже, круша доспехи и разрубая тела. Первый противник отлетел с разрубленной грудной клеткой и развороченной кирасой, но у второго, кто подвернулся под лезвие, оказались отличные доспехи. Сталь столкнулась со сталью – не выдержала рукоять

топора. С громоподобным треском древко сломалось. Капитан Ройнгард выпустил поводья и левой рукой ударил по протезу. В шуме битвы не было слышно лязганья механизма, но тиски исправно разжались, позволяя сломанному древку упасть. Лорд рванул рычаг – из массивного протеза вывернулся клинок. Гнедой конь снова шагнул, переступил неподвижное тело с врезавшимся в грудь обломком топора, Ройнгард теперь бил осторожней, этот клинок он берег, как собственную плоть. В сущности, так оно и было – короткий меч являлся частью знаменитой Железной Руки, неотъемлемой части Лорда Тьмы Ройнгарда.

Солдаты в коричневом теперь приблизились к командиру и сомкнулись позади него, чтобы защитить сзади и с боков – новое оружие Ройнгарда было слишком коротким... но конница Айхерна уже бежала.

Ополченцы не успели сообразить, что происходит, – в передних рядах, откуда было видно поле боя, подняли крик, но остальные не знали, что кавалерия бежит. Всадники врезались в ряды городской пехоты, их натиск был не менее сокрушителен, чем атака вражеской армии. Рыцари и их солдаты неслись, не разбирая дороги, валили и топтали всех, кто попадался под копыта скакунов. Ополченцы не могли посторониться, потому что шагали толпой, задние побежали к воротам, кавалеристы увязли в массе пехоты, теперь паника стала всеобщей, а солдаты Железной Руки, по-прежнему держа равнение, размеренно шагали по заваленному телами полю. Они не спешили, чтобы сохранить строй.

Лорд отвел кавалерию на фланг, открывая путь копейщикам. В воротах Айхерна возникла давка, горожане спешили укрыться за стенами, спрятаться, сбежать от армии Капитана Ройнгарда, которая надвигалась, лязгая и топая в такт, будто гигантский механизм. Обозные телеги по-прежнему ползли за строем пехоты. Как ни медленно надвигались солдаты в коричневом, толпа втекала в слишком узкий портал еще медленней. Неспешность людей Лорда Тьмы казалась еще страшней, чем если бы они торопились напасть на толпу перед воротами.

Те, кто оказался далеко от входа в город, завывали от страха и требовали поспешить, их земляки в воротах, отталкивая друг друга, едва двигались. Кто терял равновесие, не мог упасть, со всех сторон стискивали соседи. Несколько человек задохнулось, кто-то лишился чувств – толпа несла тела, не позволяя свалиться. Чем ближе подступали копейщики Ройнгарда, тем сильнее становился страх в задних рядах – айхернцы видели, что они не успевают к воротам, они уже чувствовали себя пронзенными, растоптанными, изрубленными... И когда коричневый строй от толпы отделяло полсотни шагов – между ними вклинился отряд в белых одеждах. Солдаты Ордена разрядили арбалеты в людей Ройнгарда и – конные с пешими вместе – устремились в брешь, пробитые болтами в частоколе копий. Строй людей Ройнгарда потерял равнение, там, где белым удалось вклиниться, началась рукопашная. Войско Лорда Тьмы задержалось – совсем ненадолго. Людей Ордена окружили, к свалке подтянулась кавалерия... но когда линия копейщиков была восстановлена, ворота Айхерна с лязгом сомкнулись, едва не раздавив последних перепуганных беглецов.

Лорд Ройнгард нагнулся в седле, подхватил белый плащ и потащил. Разрубленная материя с треском поддалась. Железная Рука выпрямился с обрывком орденского плаща в руке, покойник, которого Капитан приподнял за одежду, снова рухнул на залитую кровью землю. Лорд аккуратно отер короткий клинок, повертел перед глазами и, убедившись, что лезвие чисто, с лязгом вдвинул его в протез... Отшвырнул выпачканную тряпку и только после этого глянул на запертые ворота Айхерна.

– Отлично! – громко объявил Капитан. – Хотя бы Орден понимает толк в сражении... когда б не добрые братья, можно было бы сказать, что этот день потерян бесцельно.

Потом он отдал приказ разворачивать лагерь и готовить машины для приступа. Сейчас Лорду требовался кузнец, чтобы сменить сломанное древко секиры.

Дом Света расположен в центре Круга, и сюда, в замок Ордена, отовсюду стекаются новости, здесь можно сопоставить их, соотнести разрозненные факты и обнаружить любопытные закономерности. Если уметь слышать, можно уловить дыхание Круга, ощутить ритм его жизни... и понять, как шутит над нами судьба.

Нужно обладать немалым опытом и гибким разумом, чтобы отыскать тайные связи между тем, что случилось в этом странном мире, обнесённом непреодолимой Завесой... В этом мире, неспроста именуемом Круг, в мире, бытие которого подчинено замкнутым циклам – где все и вся непременно возвращается к истоку, где сеющий ветер всегда пожинает бурю, а копающий яму другому – непременно сваливается в нее. В этих закономерностях просматривается улыбка судьбы. Она шутит, но людям редко хочется улыбнуться ее остротам.

Добрейший Могвид полагал, что достаточно проницателен, чтобы разглядеть шутки судьбы, и достаточно мужествен, чтобы над ними посмеяться. Великий магистр требовал, чтобы ему постоянно сообщали обо всем, что выходит за рамки привычного. Любые странные мелочи, любые непроверенные слухи. Он редко высказывался о том, что доставили гонцы, редко оглашал собственные выводы и никогда не давал понять, считает ли сообщения важными.

А нынешняя осень оказалась богата событиями. Сперва внимание добрейшего привлекли вести с юга. Оруженосец брата Бремека привез сообщение о гибели доброго Хагнея. Письмо было составлено Астусом, главой раамперльского представительства Ордена. Гонец на словах сообщил, что командир бросился на поиски убийцы и беднягу принесли в представительство едва живым. Но здоровье Бремека не слишком волновало великого магистра. Знаменитый охотник занимал достаточно высокое положение в иерархии Ордена, добрейший Могвид полагал, что этот рыцарь достиг того поста, какого заслуживал, и выше ему не подняться, но Бремек желал продолжать карьеру – а потому и стакнулся с оппозицией в рядах Ордена. Не было секретом, что он поддерживает доброго Архольда – магистр тоже недоволен собственным положением, это и объединило честолюбцев. Добрейший полагал, что, если Бремек сдохнет на юге, это будет к лучшему, туда и дорога. Таких, как этот охотник, всегда можно найти.

А вот добрый Хагней... Увы, жестокое время, подумал Могвид. Как ни прискорбно признать, но великий магистр почувствовал облегчение, узнав о смерти великана. Надежный, как скала, и такой же крепкий, немногословный и медлительный, Хагней был величайшим воином Ордена – тем опасней оказалось, что Хагней попал под влияние Архольда. Оппозиция сразу усилилась. Посему его смерть укрепит братство.

Что же, Хагней убит, выполняя поручение капитула, – так, право, будет лучше для всех. Могвид снова расспросил гонца, который привез дурные вести, – простоватый парень гораздо лучше разбирался в звериных следах, чем во взаимоотношениях между добрыми братьями... так что ничего нового, сверх написанного главой раамперльского представительства, этот брат сообщить не мог. Кстати, брат Астус сообщал, что с волком-людоедом покончено. Одно к одному, все обернулось как нельзя лучше. Точь-в-точь как в поговорке – «и овцы целы, и волки сыты», только наоборот. Кстати, к письму из Раамперля прилагался обширный перечень побед и достижений, помимо убийства оборотня, как то: обезврежено гнездо стихийных змеепоклонников, братом Хагнеем убит собиратель, горожанами сделаны щедрые взносы на нужды Ордена, из пограничья, прежних владений Графа Кордейла, поступают налоги и оброк, численность населения в принадлежащих Ордену землях растет за счет переселенцев с севера....

Могвид задумался над событиями в Раамперле – хотя Хагнея жаль, однако в целом, пожалуй, перемены к добру, а не к худу. Интриган Архольд заткнется, потому что без Хагнея он не сумеет собрать достаточно сильную коалицию, он остался в одиночестве... пока что. Пока. Важнейшим великому магистру теперь представлялся вопрос о вакантном месте в капитуле Ордена. Самое главное – не допустить, чтобы в магистры прошел человек Архольда. Разуме-

ется, уверил себя добрейший Могвид, он печется не о себе, а о благе Ордена, что означает – о благе Круга. Разве для Ордена и Круга не лучше, если ими правит мудрый, разумный человек? Словом, здесь было над чем призадуматься.

На фоне этих примечательных событий очередной поход Ройнгарда Железной Руки оказался делом заурядным, обычным. Добрейший выслушал сообщения о том, что Лорд покинул пограничье во главе армии... и не придавал значения подробностям. И зря! Именно это объявил добрейшему Архольд, явившийся в кабинет верховного магистра. Сопровождали смутяна молодой воин в потрепанном и выпачканном белом орденском одеянии и пожилой синдик из Айхерна, тот самый, у которого не имелось дочерей.

Выглядел старик неважно – довольно долгий путь пришлось проделать в спешке, посланца растрясло в повозке. Его бы воля, он передвигался бы вдвое медленней. Но молодой попутчик – единственный, кто уцелел из айхернского представительства Ордена, – заставил спешить и совсем утомил престарелого горожанина. Парень был немного не в себе, после битвы у ворот Айхерна он так и не пришел в себя окончательно.

Возможно, из-за усталости старик говорил мало, больше кивал и выпускал скорбные вздохи. Зато добрый Архольд был, как обычно, красноречив. Впрочем, надо отдать ему должное, повод выдался знатный – добрейший Могвид не обратил внимания на тот факт, что нынче Ройнгарда сопровождает большей частью пехота, а также – громоздкий обоз.

– Если бы вы, добрейший Могвид, внимательно читали донесения, то могли бы догадаться, что Лорд собирается осаждать город.

– Вы также читали это донесение, мой добрый Архольд, – спокойно заметил великий магистр. Он не хотел обсуждать внутренние неурядицы Ордена в присутствии айхернского синдика.

Магистр собирался возразить, но Могвид остановил его движением руки.

– Я признаю, что допустил ошибку, не проявил должного внимания, – молвил добрейший. – Возможно, я не достоин поста, который занимаю... – Глава Ордена сделал паузу, затем закончил: – Недостойн ровно в той же степени, что и остальные члены капитула, ибо никто не указал на мой просчет. Виновны все в равной степени.

– Но!..

– Не будем пререкаться. Подумаем лучше, как оказать помощь осажденному Айхерну. Я полагаю, Ордену следует отправить на запад сильный отряд во главе с магистром.

Архольд снова собрался заговорить, и великий магистр снова поднял руку.

– Я знаю ваше рвение, добрый Архольд, но вы нужны в Доме Света. Братьев возглавит Воттвульк. Об этом нынче мы поговорим на заседании капитула.

Когда посланцы и орденские братья удалились, Могвид устало опустил в кресло и прикрыл глаза. Архольд смешон со своими упреками и сам не понимает, насколько смешон! Что толку великому магистру сокрушаться о мелких просчетах, если его душа погублена двенадцать лет назад под стенами замка Кордейл! Что в сравнении с этим тактические промахи Могвида? Человек, погубивший душу союзом с Лордом Тьмы, человек, понесший столь тяжкую утрату, не может по-настоящему скорбеть о невеликих потерях. И еще – такой человек не станет мечтать о мелком. Ему нужно все.

* * *

Первую остановку Ленлин со спутницей сделали в деревне, где от раамперльского тракта отходила дорога на юг – к владениям Алхоя. В доме под колесом певца узнали. Хозяин, ухмыляясь в квадратную бороду, поинтересовался:

– Расстался, стало быть, с приятелем-то?

Ленлин шмыгнул носом.

– Так получилось.

– А лошадка его – вот она, – продолжал бородач. – Это ведь его лошадка?

– Его, – согласился Ленлин. Легкомысленный поэт лишь теперь понял, что появление без попутчика, но с имуществом последнего, может показаться подозрительным. – Это вышло случайно! Я непременно разыщу Корди!

– Конечно, разыщешь, – согласился хозяин. – Да и не мое это дело. Ты скажи лучше, песни-то петь будешь? Заночуешь ли у нас?

Ленлин неуверенно поглядел на девушку. Когда он странствовал в одиночку или с Корди, все было проще. Элина кивнула.

– Заночуем, – согласился блондин. – Только я еще новую песню недосочинял...

– Так спой прежние! Нам всем страсть как понравилось. Особенно ту, про раамперльского волка! Вой до утра, вой до утра!.. Ух, как вспомню, аж мороз пробирает, вот прямо словно кто холодным окатил. Я с тебя ни шульда не возьму, ешь, пей, ночуй! Только песни свои нам спой. Ух, какая песня, про волка-то!

Хозяин повел жирными плечами, изображая, как его пробирает мороз. Когда Ленлин пел – слушатели охотно покупали пиво, так что у трактирщика были свои резоны поощрять искусство.

– Не-е... – протянул Ленлин, усаживаясь за стол, – я хотел новую. Насчет Прекрасного Принца.

Элина села рядом. Девушка помнила эту деревню, здесь она пыталась сбежать от слуг Алхоя, солдат ударил по лицу, а никто не вступился.

– Лучше про волка, – настаивал хозяин, – очень уж душевно оно было. Что нам Прекрасный Принц? Он далеко, а...

– Принц дальше, чем ты думаешь! – перебила бородача Элина.

– Корди убил Алхоя, – пояснил Ленлин.

– Мы вместе убили! – буркнула девушка.

В зале было несколько проезжих. Поскольку Элина произнесла последнюю фразу, насчет убийства, довольно громко, многие расслышали. Люди поднимали головы и оглядывались.

– Ну уж ты это, ври, да не завирайся, – неуверенно возразил бородач. – Этакая пигалица Лорда Тьмы убила, надо же!

– Он сам хотел меня убить, – объявила Элина. Заметив интерес окружающих, она нарочно повысила голос. – Корди влез в окно, напал на Алхоя, я подкралась сзади, треснула Прекрасного Принца кувшином, и тут Корди проткнул его, даже меч сломался!

– Хотите сказать, любезная дева, что убит Лорд Тьмы Алхой? – громко спросил чернявый сутулый мужчина, судя по одежде – купец средней руки.

– Хочу сказать, – согласилась Элина. – У меня и халат его остался красный, и сапоги.

– Ну, халат... это не доказательство. Мало ли что за красный халат. И почему именно халат?

– Потому что у меня другой одежды не было, в какой из Красного Замка сбежать. И вообще, я не собираюсь никого уговаривать, ясно? Кто не хочет верить – идите сами поглядите, жив ли Прекрасный Принц! Идите в Красный Замок и убедитесь!

– Насчет раамперльского волка нам тоже сперва не верили, – встрял Ленлин. – Ну и что? Врал я?

– Тогда, про волка, истинно сказал, а сейчас – не ведаю, – пожал плечами бородачатый хозяин.

– Песни не врут! – гордо объявил поэт, вытаскивая лютню.

Если зло одолеет отважный герой,
Вмиг Завеса растает тогда,

Как туман исчезает рассветной порой –
Навсегда! Навсегда!

Должно быть, сложенная на ходу песня Ленлина была не очень-то хороша... но публике так хотелось услышать именно эти слова! Люди Круга, огражденного Завесой, зажатого между владениями Лордов Тьмы, утратили надежду на избавление от бедствий. Они не могли, как обитатели более просторных миров, надеяться, что где-то жизнь лучше, что существуют справедливые правители, процветающие страны и беззаботные народы. Их тесная вселенная была пронизана злом, на силе зла зиждилось мироздание Круга. В центре – Серый Камень, в который вложена половина зла Семи Лордов, под ним заключен Повелитель, источник и средоточие зла. Силою зла Повелителя воздвигнута Завеса – и не вырваться из замкнутого Круга.

Зло, зло, повсюду зло. Избавить от него могло бы лишь чудо, и появление сказочного героя казалось именно таким чудом. Ни Ленлин, ни его слушатели не понимали истинной цели собирателя.

* * *

У подножия Завесы Корди отоспался. Он знал, что теперь не скоро ему выпадет возможность отдохнуть. Он один посреди чужого леса, здесь повсюду могут быть глаза и уши Феттаха. Но у края мира юноша был в безопасности. Ни звери, ни сам Лорд Феттах не любят появляться у лиловой стены. Корди надеялся, что после сражения Повелитель Зверей со своими лесными воинами некоторое время будет оставаться поблизости от границы с землей Прекрасного Принца – для этого собиратель и привел воинов покойного Лорда сюда, в заповедный лес. Но и мешкать тоже не следовало – кто знает, как в самом деле поступит Повелитель Зверей?

Корди проспал остаток дня и ночью выступил. Шагал он осторожно, благо жизнь в дремучей чаще за Черной Горой научила передвигаться по лесу бесшумно. Юноша крался в густой тени под кронами, избегал открытых полей, прислушивался и принимался. Часть пути он снова проделал по воде – и опять повторил трюк с деревом, чтобы не оставлять следов на берегу. Днем он забрался на крепкий старый дуб, затаился в удобной развилке и стал изучать чужой лес. Глядел, куда летят птицы, каким маршрутом обходят охотничьи угодья хищники. Разумеется, в знании повадок зверей Корди было далеко до Феттаха, но он умел читать лесную грамоту. Разобравшись, какой зверь охотится на этом участке, юноша выбрал момент и спустился, чтобы сделать короткий переход. Потом снова затаился. Днем в лесу много жизни, если бы речь шла не о животных, можно было бы использовать слово «людно». Поэтому Корди передвигался медленно, чтобы не быть обнаруженным – и старался пройти между владениями крупных хищников, по границе, чтобы зверь не воспринял чужой след, как посягательство на собственные угодья.

В этом лесу невозможно угадать, какая тварь способна отнести весточку Повелителю Зверей. На всякий случай Корди избегал всех достаточно крупных. Есть животные, которые проводят жизнь, не покидая относительно небольшой территории, эти не страшны, они не бросаются к Феттаху, да попросту не найдут Повелителя Леса. Юноша выбирал темные сырые участки леса – там меньше птиц. Птицы по-настоящему опасны.

Вечером Корди снова укрывшись на дереве и дождался, пока суeta внизу стихнет. Ночь – время хищников, а их увел Феттах. Ночью можно идти быстрее, но Корди по-прежнему передвигался неторопливо и осмотрительно. Слишком уж многое было поставлено на кон. Речь шла не о жизни юноши – как раз собственную безопасность он в расчет не принимал, такова участь собирателей зла. Старик, воспитавший Корди, и вовсе с самого начала знал, от чьей руки примет смерть...

Вот и Корди думал о том, что ему посчастливилось больше, чем собратьям, он несет важнейший груз – зло, исторгнутое умирающим Алхоем. Если Корди сгинет в пограничье, следующим собирателям придется обойтись без этой драгоценной добычи. Сумеет ли более удачливый собрат накопить достаточно зла? Ему придется затратить годы, выбирая крохи зла, рассеянные по Кругу, вместо того чтобы взять сразу – у одного обладателя черной души. Корди рисковал очень многим!

Перед рассветом юноша взобрался на высоченное дерево, чтобы оглядеться. Днем – слишком опасно, но определиться с направлением было необходимо. Корди очень приблизительно представлял себе расположение лесного логова Лорда Феттаха. До сих пор юноша стремился попасть в середину полосы лесов и болот, выгибающейся вдоль Завесы – приграничья, которым владел Повелитель Зверей. Дворец Лорда где-то там... но где? Скорей всего, рядом должна быть вода. Ключ, ручей, хоть что-то. Нет, ключ не подходит. Вокруг Феттаха всегда много животных, они нуждаются в водопое, а травоядные не станут пить рядом с хищниками.

Подозрения у Корди возникли еще раньше, когда он изучил расположение троп – юноша пересек несколько, сходящихся как будто к единому центру. Осмотр с дерева подтвердил – все верно, среди начавших желтеть крон виднеется высоченная кровля. Кроме как дворцом Лорда Тьмы, это большое строение не может быть ничем. Но сейчас начиналось утро, лес пробуждался... следовало дожидаться ночи.

* * *

Армия Капитана Ройнгарда была слишком малочисленной, чтобы взять обширный Айхерн в кольцо осады, так что Лорд расположился лагерем перед воротами. Плотники тут же принялись возводить осадные сооружения. Горожанам, глядящим со стен, пока что было непонятно предназначение массивных конструкций, но их пугала деловитая целеустремленная суeta в стане Железной Руки. Один за другим вставляли шатры, стрелки выдвинули против городской стены временные заграждения с навешенными щитами – коричневыми с серой ладонью посередине. Конные разъезды поскакали вправо и влево, прочесывая окрестности.

Дворяне, уцелевшие после самоубийственной атаки, потребовали, чтобы их выпустили из Айхерна. Нет, теперь они не собирались сражаться. После того как стало очевидно, что Лорд Тьмы останется у города, владетелям тут же захотелось очутиться подальше – в собственных укрепленных поместьях, которым пока что ничего не грозит. Город они хотели покинуть через северные ворота, которыми уже несколько десятков лет никто не пользовался. Тракт, ведущий от Айхерна на север, был давно заброшен.

В городе царило смятение, никто не собирался по требованию беглецов отпираться, тогда дворяне прогнали вооруженных бюргеров, составлявших охрану ворот, и стали сбивать здоровенный замок, удерживающий засов. Стражники возвратились с подкреплением и несколькими синдиками. Они принесли ключи, которые успели заржаветь, пока валялись без дела в подвале под ратушей. Члены айхернского Совета упростили почтенных господ задержаться до темноты и ночью проводить, хотя бы недолго, посольство. Героическая гибель орденских братьев впечатлила горожан. И айхернская община решила отправить посольство в Дом Света. Помещики для приличия поспорили, но в конце концов согласились исполнить просьбу Совета. Когда стемнело, северные ворота с душераздирающим скрипом распахнулись и крытая повозка под охраной кавалеристов выехала из Айхерна. Всадники настороженно вглядывались в темноту и нервно ощупывали рукояти мечей. Они трусили и были готовы сбежать, едва покажутся люди Ройнгарда. Но равнина к северу от города была пустынна, так что дворяне приободрились. Удалившись от Айхерна на десять-двенадцать полетов стрелы, конвой свернул восточней.

Обогнув осажденный город по широкой дуге, кавалькада остановилась. Помещики распрощались с посланниками Айхерна и держались так, будто оказали общине немалую услугу, когда сбежали из города вместе с посольством. Синдик, член Совета, не чинясь, поблагодарил отважных героев – на том и расстались. Владетели разъехались по поместьям, а посланцы Айхерна отправились к центру Круга – в Дом Света.

Когда кавалькада покидала Айхерн через северные ворота, у южных, против которых расположились завоеватели, не прекращалась работа. Горожане со стен вглядывались в движение факельных огней и гадали, что сейчас творится на равнине, однако они не были сведущи в военном ремесле и не понимали занятий осаждающих. После двух часов пополуночи даже самых любопытных стало клонить в сон, и с парапета убрались все, кроме караульных. А осаждающие не прекращали работу. Ройнгард велел работать посменно, партиями, чтобы все успели поспать. Ближе к утру стук молотков в лагере стих, зато факельные огни поползли к стенам. Дозорные испугались, что вот-вот начнется штурм, позвали старшин. Те сгоряча послали за подмогой, заспанные ополченцы поднялись на бруствер, но никто не пытался взобраться на стены, разве что изредка снизу доносился стук и шорох. Тусклые огоньки подползали к стенам и вскоре удалялись к лагерю, чтобы снова ненадолго возвратиться к подножию городских укреплений...

Многое прояснилось утром. Неглубокие осыпавшиеся рвы были заполнены телами – это их вчера свозили под стены. Раздетые и обобранные догола мертвецы громоздились беспорядочными кучами. Зрелище привело айхернцев в ужас – они будто увидели собственное будущее. Количество желающих поглядеть на лагерь Железной Руки резко поубавилось. А поглядеть было на что. Плотники возводили уже второй этаж штурмовой башни и заканчивали собирать защитные галереи для стрелков. Арбалетчики вывесили вдоль деревянных стен коричневые с серой ладонью щиты и заняли места. Вскоре стало очевидно, что стреляют они отлично и болтов запасли вдоволь – стоило кому-то неосторожно показаться между зубцов стены – тут же начинался обстрел. Горожане пытались отвечать, пускали стрелы, но, несмотря на то что их позиция на стене располагалась куда выше, дуэль выиграли арбалетчики Лорда Тьмы. Убедившись в их превосходстве, горожане стали избегать перестрелки.

Потом в лагере собрали катапульты. Сперва испытали, швыряя небольшие легкие камни и куски дерна, потом на город обрушились снаряды посерьезней. Иногда камни, пущенные из катапульт, пробивали кровли, иногда, ударившись в стену, рушились на улицу. Теперь никто не мог чувствовать себя в безопасности. Четыре катапульты метали булыжники размеренно и неумолимо, три малых – раз в полчаса, большая машина – пореже. Но обстрел не прекращался даже ночью, благо камней в округе хватало и люди Ройнгарда не испытывали недостатка в снарядах.

Цеховые старшины, руководившие обороной, с тревогой глядели, как в лагере Капитана наращивают стены штурмовой башни. До сих пор все приспособления Лорда Тьмы работали успешно. Что станет, когда башня будет завершена? Айхерн готовился к худшему и возлагал надежды на Орден...

* * *

Пока Ленлин пел, стояла удивительная тишина – кажется, даже мухи прекратили носиться над столами, чтоб не помешать певцу жужжанием. И едва блондин допел последний куплет и прижал дрожащие струны пятерней, низкий гул затухающего аккорда потонул в дружном выдохе. Будто все, кто был в зале – больше десятка человек, – затаили дыхание. Тут же у входа послышалось:

– Эй, айда! Иди! Сюда иди! Здесь певец снова, тот, который про раамперльского волка!..

Оказывается, кто-то из селян приоткрыл дверь, да так и простоял на пороге, слушая Ленлина. Теперь стал звать земляков. Бородатый хозяин с удовлетворенной улыбкой объявил:

– И эта песня дивно хороша! Ужин ты, парень уже отслужил... сейчас дочь подаст, скажу ей. А песня, песня-то! Верно ведь, нужен Кругу герой. Ох как нужен!

С этими словами трактирщик направился навстречу землякам, которые оказались на пороге. Предвкушая удачный вечер, бородач напевал:

Заходите, люди, в дом,
Всех накормим, всем нальем!

Принимая медь и раздавая пиво, хозяин объявлял, что сейчас гость покушает с дороги и снова споет прекрасные песни – дескать, садитесь, делайте заказы, кому что по душе, чтоб, когда песня начнется, не пришлось от жажды маяться.

Ленлин задумался, глядя в стол и лениво перебирая струны. Он пытался осмыслить, что только что пел – слова и музыка снова были будто не из его головы. Как подсказал кто... Элина отвернулась. Она размышляла о том, что местные просто не верят в гибель Алхоя. Слишком великое событие для маленьких людей. Им сообщили, что покончено с великим злодеем, а ни один не почесался!

Никто не сможет представить, что вот так запросто Корди разделался с Лордом Тьмы. В одиночку! Вот если бы через деревню накануне промаршировало огромное войско... Войско – это убедительно, а тщедушный паренек – нет...

К ним подошла дочь хозяина с подносом в руках, улыбнулась поэту и сморщила нос, взглянув на его спутницу. Та не удивилась, она привыкла к эффекту, который ее внешность частенько производит на девушек. Пока гости ели, в зале стоял гул голосов – постояльцы и местные чинно потягивали пиво, ожидали песен. Многие поминутно поглядывали на Ленлина, как он? Скоро ли закончит трапезу и возьмется за лютню? Поэту было не привыкать к такому вниманию, а Элине сделалось не по себе, она тихонько шепнула:

– Ты бы поспешил с едой, что ли. А то на нас все зыркают, даже кусок в горло не лезет.

– Мне надо плотно поесть, – пояснил Ленлин. Я, когда пою, пиво хлебаю, и сам не замечаю, как окосеть могу, если на пустой желудок.

Чернявый купец поднялся, подошел и, склонившись над Ленлином, тихо спросил:

– Очень, решусь заметить, интересную мысль ты, парень, высказал. Неужто и впрямь, если Лордов и прочих злодеев истребить, Завеса падет?

Поэт не смутился:

– Вообще, это всего лишь песня... но мне эта мысль тоже нравится.

– Сам выдумал? – осведомился купец. – Или научил кто? Может, в книге какой этикие мудрости написаны? Я бы сам почитал, я грамотный!.. Очень уж любопытно.

Ленлин широко улыбнулся и предложил:

– Послушай лучше еще песню!

Блондин запел о волке из Раамперля, и снова, едва он взял первый аккорд, разговоры смолкли и кружки замерли на полпути...

Сутулый купец возвратился за свой стол. Как только песня закончилась, он поднялся и позвал трактирщика – мол, расплатится, да и в путь.

– Куда же, на ночь глядя? – привычно запричитал бородач, которому не хотелось лишаться платежеспособного постояльца. – А разбойники? А зверье?

Чернявый твердо заявил, что знаменитого волка-оборотня больше нет, а человека и волка порознь он не испугается. Потом купец распрощался с Ленлином, спросив напоследок, не в Раамперль держит путь поэт? Там и встретятся, наверное.

Элине этот человек не понравился, а Ленлин не задумывался, он уже был во власти собственного дарования, теперь блондин не думал ни о чем и не замечал никого вокруг – он пел.

* * *

Когда брат Астус наконец отправился в Дом Света, Бремек вздохнул с облегчением: теперь можно валяться в постели, как и подобает избитому до полусмерти. Можно глядеть в потолок, позабыв на время об интригах в Доме Света, о соперничестве, тайных замыслах и расследовании убийств.

Но деятельная натура не давала успокоиться. К тому же охотнику было скучно. Он ото-спался, кажется, на десять лет вперед и маялся от безделья и от тяжких предчувствий. Начи-нало казаться, что, пока он валяется здесь, в тихом раамперльском представительстве, Круг валится в пропасть.

Да и сны большей частью были сумбурные, недобрые, иногда переходящие в кошмар, – будто он, Бремек, снова летит с коня на дорогу, а над ним возносится здоровенный башмак с наполовину оторванной подошвой, тяжелый, грязный – висит, колеблется. Тот Бремек, что во сне, еще не калека, он понимает, что сейчас башмак ударит, что нужно встать, сопротивляться, но, как это обычно бывает в кошмарах, непонятная слабость охватывает тело, сковывает по рукам и ногам, держит, не дает ни увернуться, ни поднять руку для защиты... Во сне Бремеку было страшно.

Тогда башмак медленно опускался, метя в лицо Бремеку, за ногой проступала бородастая харя, но разглядеть ее спящему не удавалось, он жмурился, ожидая удара, корчился, схвачен-ный невидимыми оковами, прижатый к грязной земле, снова страдающий от боли – хотя там, во сне, побои еще только готовились... и вот Бремек просыпался от того, что пытался сорвать повязки, а от этого ушибы и ссадины начинали болеть с новой силой.

Ловчий тряхнул головой, чтобы прогнать остатки кошмара, и с трудом сел в кровати. Рядом, уткнувшись головой в сложенные на столе руки, сидя дремал оруженосец. На сосед-ней кровати белым призраком покоился Олвис, по-прежнему безучастный ко всему. Бремек повернул голову и поглядел в серое окошко. Сумерки, скоро рассвет. Где-то внизу слышны голоса. Несмотря на ранний час, разговаривают громко. Кто бы это мог быть в такую рань? Кровать под Бремеком пронзительно скрипнула, оруженосец встрепенулся и стал тереть кула-ками заспанные глаза.

– Сходи вниз, – велел ловчий, – узнай, что стряслось. Слышишь, спорят.

– Да что здесь может стрястись, добрый Бремек? Тишь да гладь... разве у местных какие-то свои дела, пока добрый Астус в отъезде... – забормотал воин, но послушно поплелся узна-вать причину шума.

Охотник встал, доковылял до двери и встал в проеме, держась обеими руками за косяк. Некий мужчина твердил, что должен сообщить брату Астусу важные сведения. Ни с кем другим он не собирался разговаривать, требовал Астуса и очень огорчился, когда выяснилось, что глава представительства в отлучке.

Бремек догадался, что это – один из осведомителей, он хочет, чтобы ему заплатили, поэтому отказывается говорить с другими.

– Жаль, – пробубнил незнакомец, – а я-то спешил, думал пересказать брату Астусу ново-сти с юга.

С юга? Бремек заинтересовался. С трудом переставляя ноги и держась за стены, ловчий двинулся к лестнице. Он боялся, что не сможет крикнуть достаточно громко отсюда, из ком-наты. Добрел до лестницы, упал грудью на перила, склонился над проемом и позвал оруже-носца.

– Веди этого человека сюда!

Перед Бремеком предстал тощий сутуловатый мужчина. Незнакомец с недоверием оглядел избитого охотника. Оруженосец внушительным голосом объявил:

– Добрый брат Бремек из Дома Света, со специальным поручением капитула Ордена.

Пришелец неохотно поклонился, обратив на миг к Бремеку плешь посередине густой черной шевелюры.

– Я отправил доброго Астуса в Дом Света с важным поручением, – пояснил ловчий, – а новости вы можете изложить мне.

Чернявый поморщился, и Бремек добавил:

– Глава представительства объяснил, что добрые люди этого края помогают нашему светлому братству, и я готов отблагодарить... идемте в комнату, поговорим спокойно, без лишних ушей.

Оруженосец помог Бремеку доковылять до кровати, переставил стул для гостя поближе и вышел. Чернявый покосился на неподвижного Олвиса.

– Он в беспамятстве. У нас вышли некоторые... м-м-м... приключения. – Бремек провел рукой вдоль тела, указывая бинты. – Я заплачу, не беспокойтесь. Итак?

– Дело вот какое, – решился сутулый купец. – На юге, у границы с землей Алхоя объявились люди. Утверждают, что Прекрасный Принц убит.

Бремек едва не подпрыгнул.

– Убит?

Его волнение пришелец истолковал как признак недоверия и поспешно продолжил:

– Сомнительно, конечно. Да и люди-то какие – блондинчик, бродяга и рифмоплет, да девка при нем. Ненадежные, одним словом, люди. Я бы не стал почтенного Астуса беспокоить, но бродяга в своих песнях распространяет новую ересь – будто бы с гибелью Лордов Тьмы падет Завеса. Прежде я такого не слышал, вот и решил, что доброму Астусу...

– Да, правильно, верно, – кивнул Бремек.

Охотник выгреб из карманов несколько монет и протянул осведомителю. Должно быть, тот рассчитывал на меньшее, поскольку, приняв деньги, ухмыльнулся и зачистил:

– Да пребудет Свет с вами, добрый господин! Славно, что доброе братство неизменно печется о благе... и...

– Пребудет Свет, пребудет... Где эти люди? Как их найти?

– Сейчас они, должно быть, на постоялом дворе. – Чернявый назвал деревню, ту самую, неподалеку от которой нашел конец могучий Хагней. – Но не тревожьтесь, они сегодня же будут здесь.

– Здесь?

– Здесь, в Раамперле. Они идут сюда плести свои побасенки о гибели Алхоя. Если не станут задерживаться в пути, еще до вечера доберутся.

Бремек понял, что заплатил слишком много – завтра о бродягах станет судачить весь город. Чернявый спешил, чтобы опередить бродяг, к вечеру его новости и ломаного шульда стоять не будут. Но, делать нечего! Зато он, Бремек, успеет обдумать все как следует и приготовиться.

– Значит, они утверждают, что убили Алхоя?

– Не они, добрый господин, а их дружок. Якобы тот самый, что разделался с волком. Я-то был в отъезде, но слышал о раамперльском оборотне... Что с вами, мой господин? Вам плохо?

Бремек уже не слышал, он судорожно соображал: да, все сходится. Он, тот самый юнец. Собиратель. Очень сильный собиратель, такого прежде не бывало! Итак, он уже начал свой поход, и Прекрасному Принцу пришел конец. А что за блондинчик? И девица при нем? Неважно, неважно, если рассказ чернявого правдив, это означает вот что: Круг и Орден на пороге катастрофы.

* * *

Бремек уже не мог не то что заснуть – даже спокойно усидеть. Припадая на покалеченную ногу, ловчий мерял шагами комнатенку, натыкался на стул, шипел от боли – и снова ковылял взад и вперед... поглядывал на бесчувственного Олвиса, тихо злился. Вот уж кому нет забот! Лежит себе, как колода... а ведь его свидетельство могло бы оказаться важным. Охотник встал над Олвисом и несколько минут вглядывался в бледное лицо раненого. Пришла странная мысль: а что, если Олвис притворяется? Что, если прикидывается беспамятным, а сам исподтишка глядит и слушает, чтобы... чтобы?..

Но следопыт оставался неподвижен, и только одеяло на груди едва заметно приподнялось. Бремек одернул себя – нельзя отдаваться во власть глупых подозрений. Дело! Нужно делать дело!

Что же, раз на Олвиса рассчитывать нельзя, придется заполучить новых свидетелей – блондина с девчонкой. Нужно поднять тревогу, сообщить капитулу в Дом Света! И свидетели необходимы! Охотник кликнул оруженосца – тот дожидался в коридоре. Должно быть, не хотел лишний раз показываться на глаза начальнику, пока тот не в себе.

Бремек велел подать свою одежду, оружие, разыскать какие-нибудь носилки, на которых он, с искалеченной ногой, сможет передвигаться. Еще потребовал вызвать брата Дорчика, который в отсутствие Астуса оставался старшим в раамперльском представительстве. Оруженосец с трудом убедил погодить с Дорчиком, тот еще досыпает.

– Тоже верно... – согласился Бремек.

Конечно, всем хоть бы хны, все спят, когда над Кругом нависла беда... И оруженосцу тоже хотелось спать. Объясняя, что до рассвета никто не станет заниматься делами, парень отчаянно зевал. Бремек махнул рукой и отпустил беднягу.

Наконец рассвело, ловчий, морщась от боли, с трудом натянул поверх бинтов рубаху, куртку и спустился вниз. Дорчику рыцарь заявил, что берет на себя руководство здешними членами братства. Унылый рыцарь возразил: он не имеет распоряжений насчет того, чтобы подчиняться брату Бремеку. Это обескуражило охотника. Прежде, когда ездили по округе, разыскивая волчьи следы, Дорчик казался недалеким и покладистым. А сделавшись начальником, вмиг переменялся.

Пришлось объяснить подробности – насчет того, что победитель волка на самом деле убийца и собиратель зла. По лицу собеседника Бремек видел, что тот сомневается, в себе ли добрый брат. Но у раамперльского рыцаря хватило сообразительности понять: если в словах Бремека имеется хоть толика правды, а Дорчик не окажет содействия – именно на него свалят всю вину.

– Хорошо, добрый брат, – согласился рыцарь, – говорите, что требуется сделать?

– В город идет бродячий рифмоплет, блондин. С ним, вероятно, девица. Сейчас они южнее города, у границы владений Прекрасного Принца. Певец – еретик, но важно другое, они хорошо знакомы с собирателем. Их нужно схватить, но по возможности тихо. Шума допустить нельзя. И нельзя допустить, чтобы блондин спокойно вошел в город и сеял свои еретические мысли.

– Так, может, его тихонько того... – начал было оруженосец Бремека.

Ловчий погрозил парню кулаком. Конечно, Бремек поднялся в орденской иерархии не в последнюю очередь потому, что не гнушался действовать решительно, когда требовалось «тихонько того». Но сейчас блондин был нужен живым. Он хорошо знает собирателя – очень важный свидетель. Кто доставит его в Дом Света, окажет Ордену великую услугу.

– Нет, – медленно произнес Бремек, тщательно подбирая слова. – Ты что? Мы же слуги Света, а не разбойники! Брать певца надо тихо, значит, не в Раамперле, а по дороге. Добрый

брат Дорчик, отберите с полдюжины братьев понадежней. Таких, кому можно доверять. Вместе с моими людьми будет довольно, чтобы сделать все как надо. И носилки мне. В носилках, кстати, и в Раамперль певца принесем. Посадим в мешок и спрячем, никто не заметит.

– Хорошо, – кивнул Дорчик. – Но, добрый брат, ответственность вы берете на себя. Нас здесь не слишком любят... как вы убедились на собственной шкуре. Если народ увидит, что мы хватаем невинных на улице...

– На дороге! – перебил Бремек. – Именно на дороге, не на улице. И так, чтобы никто не увидел!

– Тогда я иду нанять носилки, а Кервину велю отправляться по тракту, высматривать певца с девкой.

– Зачем это? Кервин слишком молод, чтобы...

– Зато глаз у него острый и нога легкая, – отрезал Дорчик, сердито шмыгая красным носом. – А знать он ничего и не будет, пусть стережет наших... гм, гостей. Скажем ему, что эти двое – важные свидетели, этого довольно.

Дорчик еще раз показал норы. Вытребовал, чтобы ловчий при свидетелях повторил, что ответственность в случае чего полностью ложится на него, Бремека. Добившись этого заявления, повернул все по-своему.

Бремеку ничего не оставалось, как проглотить досаду и согласиться. Он не считал возможным спорить, ибо без содействия красноногого рыцаря мог не справиться с делом. Проклятое увечье!

* * *

Отряд воинов Ордена неторопливо следовал к Айхерну. Братья продвигались медленно, часто высылая разьезды и выбирая дороги, проходящие между полей и голых равнин. Известно, что Капитан Ройнгард мастер устраивать засады.

Магистр Воттвульк, которого добрейший послал к осажденному городу, был человек спокойный и осмотрительный. Притом он был подвержен внезапным приступам гнева, сам знал об этой своей особенности и старательно сдерживал вспыльчивый нрав. Именно потому, что Воттвульк помнил, что способен взорваться и натворить глупостей – именно потому и не было в Ордене воина более осторожного и хладнокровного, чем он.

Магистр не собирался рисковать вверенными ему двумя сотнями латников, предпочитая действовать осторожно. Обвинения в трусости магистра не пугали, такие упреки орденские братья получали постоянно, дело привычное.

Добрый Воттвульк вел колонну короткими переходами, засветло останавливал и велел разводиться лагерные костры. Молодые братья рвались в бой, Воттвульк объяснял: Капитан никуда не денется. Не в его обычае бросать незаконченным дело, к которому наверняка готовился несколько лет.

К исходу второго дня пути на дорогах не осталось путников, идущих в том же направлении, что и войско братства. Теперь воины в белом видели на тракте только встречных, люди бежали от нашествия, купцы вывозили товары. Еще сутками позже дороги вовсе опустели, а на четвертый день на горизонте показались дымы. Где-то на северо-западе горело большое пламя, да не в одном месте, в нескольких. Опытные братья объясняли молодежи, что до Айхерна далеко, а пожары означают, что Ройнгард рассылает отряды фуражиров. Война – такое дело, нет-нет да и загорится что-нибудь. Дым вовсе не означает, что округу жгут нарочно.

Белые воины свернули к ближайшему замку. Поместье было укреплено и готово к обороне, а крестьяне укрылись за стенами. Сервы под охраной вооруженной челяди свозили в замок сено – там, внутри, скотина, которую согнали со всей округи, нуждается в фураже.

Хозяин не слишком обрадовался, увидев людей Ордена. Он участвовал в побоище под стенами Айхерна и был уверен, что Лорда не одолеть. Зато братьев нужно было кормить, а их кони нуждались в фураже. Поскольку время военное – союзников следует снабжать необходимыми припасами.

Разумеется, Воттвульк и не рассчитывал справиться с Железной Рукой собственными силами, магистр хотел собрать под свои знамена окрестных сеньоров и согласовать действия с осажденными. Совместными усилиями он рассчитывал если не разбить войско Ройнгарда, то хотя бы вынудить снять осаду. Едва заслышав об этом, владелец усадьбы тут же заявил, что фураж и прочие припасы орденским даст, а сам с ними не пойдет. Взбучка, которую Железная Рука устроил местным господам, нагнала на них страху.

Орденские воины переночевали поблизости от усадьбы. Потом прошли по заброшенной пустынной деревне. С десятков псов, которых хозяева бросили на произвол судьбы, сперва облаяли колонну, потом долго бежали следом и, повизгивая, вертелись едва ли не под самыми копытами лошадей, заглядывая снизу в глаза братьев – будто просили взять с собой. У соседней усадьбы история повторилась. Здесь хозяина не было, он погиб под Айхерном. Вдова встретила Воттвулька сердито и даже потребовала денег за провиант и фураж – дескать, она теперь без мужа, ей грозит нищета, и каждый шульд на счету. Магистр оглядел добротные стены усадьбы, богатое платье скорбной вдовушки... пожал плечами и повел колонну к Айхерну.

На закате братья остановились на ночлег у брошенного хутора. Вернулись разъезды и доложили: они обнаружены. Всадники в коричневом не стали приближаться, но наверняка увидели приметные белые плащи. Стало быть, Ройнгард знает о прибытии воинов Ордена.

Наутро магистр велел сниматься с лагеря и двинулся северней, обходя город по длинной дуге. Повсюду встречалось одно и то же – мелкие усадьбы были брошены, а те, что имели укрепления, приготовились к обороне. Встретились братьям и пожарища. Иногда среди развалин попадались мертвецы. Воттвульк велел предать их земле. Для живых он не мог сделать ничего, оставалось разве что позаботиться о павших.

Маневрируя и часто переходя с одного тракта на другой, войско Ордена медленно приближалось к Айхерну. Однако обмануть Капитана не удалось – в конце концов Воттвульку встретился отряд в коричневых плащах. Вражеских всадников насчитывалось едва ли восемь десятков, но среди них был Железная Рука, и воины в белом отступили, не приняв боя. Воттвульк кружил около Айхерна, не решаясь приблизиться. Ройнгард во главе небольшого отряда время от времени оказывался поблизости, но магистр всегда предпочитал отступление. Пробриться к городу он не мог, да и не видел смысла – что с того, если в городе (где и так находится ополчение – несколько тысяч вооруженных мужчин) гарнизон увеличится на две сотни человек?

Осада не была плотной, проникнуть в Айхерн и выйти из него было вполне возможно. Несколько горожан как-то явились в орденский стан – благодарили Орден, который не бросил их в беде. Воттвульк заверил, что останется у Айхерна, покуда осада не закончится. Дескать, он отвлекает часть сил Капитана, но ничем иным помочь пока не может – сеньоры края не хотят вставать под знамя Ордена, а у магистра собственных людей недостаточно. Но добрые братья не покинут город, останутся до конца осады... Чем именно завершится осада – магистр не стал уточнять.

Послы вздыхали и не требовали большего. Они помнили, как закончилась битва у южных ворот, испытывали благодарность и чувство вины перед памятью воинов из айхернского представительства Ордена, которые сгинули, но спасли сотни жизней... Горожане не надеялись, что вновь прибывшие братья сумеют противостоять Лорду Тьмы более успешно.

* * *

После того как брат Дорчик уточнил условия сотрудничества и настоял на собственных прерогативах, он показал себя расторопным и внимательным организатором, чем снова удивил Бремека. Только теперь ловчий задумался, какие же мотивы движут добрым братом? Из подслушанных разговоров охотник понял, что Астус в самом деле рассчитывает получить пост в Доме Света, а носатый Дорчик станет начальником здесь, в Раамперле. Вот он и показывает всем, что не уступит полномочий никому – даже посланнику капитулы.

Пока Бремек размышлял, дело двигалось: юного Кервина отправили на дорогу, снабдив приметам Ленлина со спутницей; шестеро опытных братьев вооружились и приготовили веревки, кляпы, мешки и прочее; не забыли и о Бремеке, для него наняли не носилки, а легкую повозку, крытую, с сиденьями. Ловчий наблюдал за приготовлениями – придраться не к чему, Дорчик в самом деле предусмотрел все.

Около двух часов пополудни прискакал Кервин: парочка странников, в точности соответствующая описанию, показалась на дороге.

– Именно, как было сказано: блондин в дурацком камзоле с ленточками, – доложил юный воин, – и девушка с ним...

Кервин замялся, потом закончил:

– Очень хорошая девушка... Только схватить их не выйдет.

– Почему же? – поинтересовался Дорчик. – Что не так?

– Блондин играет на лютне и поет. Они идут с караваном, купцы им позволили в телегу сесть. Да и к тому же...

– Ладно, – махнул рукой Дорчик, – на месте решим.

Бремеку помогли взобраться в телегу, на козлы сел оруженосец, другой ехал верхом с людьми Дорчика.

Кервин несколько раз пытался объяснить, что у братьев ничего не выйдет, паренька не слушали. Конвой снаряжился и двинулся по тесным улицам к южному тракту. Ехали неспешно, чтобы не привлекать внимания раамперльцев.

За городом Дорчик оглядывал придорожные кусты и на всякий случай подыскивал место для засады. Путников на дороге было довольно много, однако вполне возможно подгадать удачный момент, чтобы управиться с делом без свидетелей.

Через час он поинтересовался у Кервина:

– Ну, где твои бродяги?

– Должно быть, скоро встретим, добрый брат, – буркнул юноша. Он обиделся, когда к его словам отнеслись без внимания. – Не пропустите, издали будет видно. И слышно.

В голосе Кервина Бремеку почудилось злорадство... И в самом деле, слышно оказалось издали – Ленлин пел. Он сидел в телеге поверх поклажи, горланил куплеты и играл на лютне, не попадая в лад, когда повозка тряслась на ухабах. Элина устроилась позади, спиной к певцу и страдальчески морщилась, девушке не нравилась песня – но только ей одной. Девушка глядела на лошадку Корди, которая бежала следом и часто шевелила ушами, Элине казалось, что животное разделяет ее неприязнь к пению.

За повозкой шагала толпа, катили возы и ехали всадники – целая процессия пристроилась, чтобы послушать пение Ленлина. Здесь, на тракте, верили в гибель Алхоя, в приход героя, в счастливое будущее. В дороге куда легче поверить во всякую блажь. Дорога – это не «здесь» и не «там», дорога – это «между». По прибытии на место можно с чистой совестью позабыть все, чему легко верилось в пути. А в дороге – люди верили! Элина мяла в руках злополучный красный халат, ей уже надоело демонстрировать трофеи, но путники, вновь присоединившиеся к шествию, едва слышали, что можно поглядеть на одеяние Прекрасного Принца, в котором

злодей принял смерть, – тут же проталкивались поближе и просили показать красный халат. Так что девушка перестала прятать одежду – все равно сейчас появится очередной желающий поглядеть.

Дорчик окинул взглядом длинную процессию, подъехал к карете Бремека и, склонившись к оконцу, прохрипел:

– А ведь и впрямь ничего не выйдет... придется ехать следом, глядеть издали. Наверное, в городе представится случай. Скажем, ночью.

– После того как их увидит весь Раамперль? – скептически осведомился Бремек. – Если они исчезнут, многим покажется подозрительным. Люди удивятся.

– Поудивляются и забудут, – отрезал Дорчик, шмыгая носом. – Еще лучше, все решат, что это были шаромыжники, обманщики. Наплели невесть чего, да и скрылись.

Ловчий не ответил, откинулся на спинку сиденья и вздохнул.

– Ну, так что? – окликнул снаружи Дорчик.

– Вы посулили, что возьмете их на дороге! На дороге, без свидетелей! Я снимаю с себя ответственность, – буркнул охотник. – Но если у вас выйдет, можете не сомневаться, Дом Света оценит вашу расторопность.

Воины Ордена пристроились к шествию, а Кервин, которому понравилась Элина, поехал по обочине рядом с телегой. Ленлин принялся в очередной раз рассказывать о подвигах Корди, перемежая куплеты с обычным пересказом – в тех местах, где еще не успел срифмовать как следует. Он пел, Элина показывала красный халат с сапогами... так и въехали в пригороды. Слух о гибели Лорда Алхоя здесь быстро разошелся. Охочие до сплетен жители окраин мигом разнесли весть, многократно преувеличив – как это обычно и бывает в подобных случаях.

Радостную новость передавали из уст в уста, кто верил, кто нет... а вот Ойрик сразу решил: правда. Он уже второй день ожидал каравана из Красного Замка, даже на окраину выходил поглядеть – не покажутся ли красные кафтаны? Но люди Прекрасного Принца не появлялись... хотя обычно бывали на редкость пунктуальны. Теперь стала очевидна причина. Ойрик дернул за рукав Пегого и указал на закрытую повозку, которая неотступно катила за Ленлином и девушкой:

– Гляди. Гляди внимательно!

– Чего глядеть-то?

– Вон, повозка серая, гляди, кто из нее зыркает.

– Ох... – Пегий узнал орденского, которого он так славно отходил башмаками.

– Видишь, как глазищами крутит туда и сюда? Ищет, кто его приголубил. Смекаешь? На ноги пока встать не может, в тележке катается, а уже искать начал. Ладно, пойдем, у меня нынче много дел.

Ойрик в самом деле спешил в невольничьи ряды – как только станет известно, что с рынка исчез оптовый покупатель, цена на молоденьких девиц упадет. Старик хотел поскорей избавиться от этого товара.

Осадные работы под прикрытием арбалетчиков и катапульта продвигались споро и быстро. Горожане боялись предпринять какие-либо активные контрмеры – в Айхерне после поражения вмиг вспомнили зловещие слухи о талантах Капитана Ройнгарда. Теперь обороняющиеся возлагали надежды на близкую распутицу, а не на собственное оружие, однако в этом году проклятая Ведьма Севера не спешила слать дожди и холода.

Тем временем люди Лорда Тьмы придвинули крытые галереи к стенам, теперь защитники из страха перед арбалетчиками вовсе перестали высовываться из-за бруствера. Оружейники Айхерна отыскивали старые чертежи и по ним соорудили несколько небольших катапульта. Машины расположили на бастionaх подле южных ворот и начали ответный обстрел.

На снаряды пошли камни с вершины Королевского холма и обломки заброшенных зданий, этого добра в Айхерне хватало. На службе у Железной Руки состояли опытные вояки, поднаторевшие в обращении с техникой, да и конструкция катапульт Ройнгарда наверняка была более совершенная, чем в городе, так что серьезно помешать осадным работам айхернские машины не могли. Тем не менее однажды камнем разбило перекрытие защитной галереи, другой снаряд обрушился среди рабочих, возводящих штурмовую башню. Оба случая вызвали в городе ликование, нашлись очевидцы, уверявшие, что видели собственными глазами раздавленного арбалетчика среди обломков галереи. Но перекрытие было восстановлено, а башня в лагере Железной Руки продолжала расти. Вот уже был собран каркас третьего этажа – там балки выглядели менее массивными, чем в нижних ярусах, рассчитанных выдерживать вес всей конструкции. Горожане видели, что на строительную площадку сносят шкуры быков, которыми предстояло обтянуть готовую конструкцию...

А осень все не наступала. Тучи проносились над башнями и высокими кровлями, ветер рвал и терзал мутные пелены, черные волокна в небесах складывались в фантастические фигуры, которые тут же растворялись и перетекали друг в друга... а дождя не было – того самого дождя, который ежегодно проклинали и о котором теперь мечтали люди в осажденном городе.

Отряд Воттвулька кружил около Айхерна и не предпринимал ничего, Железная Рука искал встречи с солдатами Ордена, те отступали, не принимая боя. Конечно, если бы Лорду захотелось, он сумел бы навязать воинам Ордена битву, либо заставил бы покинуть окрестности города... но, вероятно, Капитана забавляла эта игра в кошки-мышки. Ройнгард развлекался, пока плотники готовили технику.

Тем временем третий этаж осадной башни стал одеваться досками. Горожане с тревогой наблюдали сквозь бойницы, какие материалы и приспособления сносят на строительную площадку. Некоторые утверждали, что заметили цепи и бревно с окованным сталью концом. Работы продолжались и ночью – при свете костров и факелов, поэтому многое происходило под покровом темноты и осталось незамеченным со стен.

Бюргеры на площадях тренировались управляться с мечом и щитом. Многие стремились навесить на себя как можно больше металла, покупали тяжелые кольчуги, шлемы с массивными гребнями, здоровенные мечи – такие тяжелые, что после трех-четырех ударов неопытный вояка чувствовал усталость... зато присутствие огромного количества металла на теле давало иллюзию уверенности.

Оружие и доспехи дорожали в Айхерне даже быстрее, чем продовольствие, однако оружейники не радовались прибылям. К тому же у них вышли припасы. Подмастерьев кузнечного цеха теперь частенько можно было застать на Королевском холме, они разыскивали на развалинах старый металл – гвозди, клинья, обломки оконных рам... выдирали заржавленные петли из трухлявых дверных косяков.

Каждый день – верней, каждую ночь – город покидали беглецы. Им не препятствовали, городской Совет запретил выносить из Айхерна продовольствие, а на серебро, золото и всевозможные ценности запрет не распространялся. Кому было что спасать – спешили покинуть обреченный город. Вокруг Айхерна кружили конные разъезды людей Лорда Тьмы. Иногда со стен горожане видели схваченных ими земляков, но многим наверняка удалось скрыться. Это вдохновило новых беглецов...

Наконец строительство осадной башни было завершено. Четыре этажа, нижние собраны из мощных дубовых балок, передний фас, обращенный к городским воротам, снабжен створками размером с небольшие ворота. Третий этаж располагался на уровне бруствера и также имел двустворчатый вход, но поменьше, в рост человека, а верхняя площадка – широкая, с дощатыми бортами, оборудована бойницами для стрелков. Когда башня приблизится к стенам,

этот уровень будет возвышаться над защитниками. Над всем – четырехскатная кровля с флагом Лорда Тьмы Капитана Ройнгарда.

Мастера Железной Руки начали обивать стены бычьими шкурами, и жители догадались – завтра штурм.

* * *

К замку Феттаха Корди приблизился перед рассветом. Лучшее время – хищники возвращаются в логова, а травоядные спят – чутко спят, прядая ушами, вздрагивая при каждом новом звуке и даже в забытии втягивая сырой лесной воздух чувствительными ноздрями. Неподалеку от лесного дома Лорда протекал ручей, его берега были вытоптаны и разбиты в полужидкую грязь лапами четвероногих подданных Повелителя Зверей. Часть пути Корди проделал по руслу – журчание потока заглушало звук шагов, а влажный ветерок, сопровождающий быструю воду, растворял запах человека. Между ручьем и темной громадой строения расстиралась широкая поляна. В сером сумеречном свете она казалась сотканной из тумана, но под стенами лежала густая тень. Здесь не было смысла таиться и прятаться – если из дома наблюдают, то на поляне скрыться невозможно.

Юноша выбрался на берег и быстро зашагал к дому – в черную тень. Насколько можно было разглядеть, несколько вековых дубов росли сквозь здание, они же и являлись опорами для стен. Тот, кто возводил дом Феттаха, сумел ловко встроить перекрытия и этажи таким образом, что они опирались на мощные стволы живых деревьев, но рост последних не ломал искусственно добавленных частей. Дворец состоял из отдельных галерей и комнат, частью соединенных подвижными лестницами, а частью – гибкими подвесными галереями. В итоге вышло нечто совсем уж чудовищное. Замок Повелителя Зверей постороннему наблюдателю должен был казаться застывшим хаосом, бесформенным нагромождением досок и канатов, однако обитатели умели ориентироваться в лабиринте переходов. Должно быть, помещения дворца поднимались вверх по мере того, как вытягивались лесные великаны. Новые этажи добавлялись снизу, а не сверху, и старый вход поднялся на порядочную высоту – теперь, чтобы попасть внутрь, следовало взойти по лестнице. Лестница – массивная, тяжелая, с широкими, но невысокими ступенями, подходящими для четвероногих ходоков, крепилась к вбитым в землю столбам. А возможно, это были не столбы, а отесанные стволы молоденьких дубков, выросших из желудей старых деревьев, которые держат дворец? Лестница и столбы снизу были обильно политы мочой и секретом хищников и воняли соответственно.

Раздался глухой вой – едва слышный, приглушенный. В протяжном реве мешались тоска, неутоленная злоба и отчаяние. Корди остановился и прислушался, обитатели дворца не спешили на звук и вообще не показывались – наверное, подобное здесь никого не удивляет. Вой повторился – на этот раз коротко, но юноша разобрал, что звук исходит из-под земли. Похоже, под дворцом имеются глубокие подвалы. И там некто... или нечто – исходящее злобой.

Корди, ступая мягко и тихо, приблизился к столбам. Юноше почудилось движение – и он, не задумываясь, выбросил руку. Пальцы сомкнулись на теплом, покрытом перьями. Ворон, один из старых приятелей Феттаха, пристроился на плоской верхушке столба. Корди сдвинул кулак, выворачивая птичью шею. Ворон издох, тихо хрюкнув. Он так и не проснулся.

Юноша замер, прислушиваясь. Что-то зашевелилось под лестницей, в черной тени. Что-то огромное, мягкое.

Корди осторожно опустил тушку мертвой птицы и положил ладонь на рукоять меча. То, что возилось и дышало под лестницей, не показывалось. Собиратель решил не оставлять за спиной неизвестного великана. Он отошел, чтобы, сунувшись вплотную, не оказаться в лапах обитателя темной ниши. Главное – не сближаться. Такой большой зверь наверняка не может двигаться быстро. С безопасного расстояния Корди заглянул под лестницу. Сперва очертания

туши показались ему невероятными, не похожими ни на что – огромное жирное туловище без головы, потом он сообразил, что это медведь, но очень уж крупный. Спит, опустив башку на сложенные лапы, огромная спина высится как гора, ее подпирает чудовищно толстое брюхо.

Прежде Корди не думал, что медведь способен достичь подобных размеров. Или виной – магия Феттаха? Кажется, голова зверя весит не меньше, чем юноша. Опасная тварь! И живет под лестницей, должно быть, это страж Феттаха. К счастью, сейчас медведь спал.

Корди отступил и задумался. Убить спящего зверя можно – если действовать быстро. Но сделать это бесшумно не удастся. Зверь умрет не сразу, даже если поразить его в сердце, и, умирая, будет шуметь, поднимет на ноги обитателей дворца... вернее, не на ноги, а на лапы. А если этот зверь здесь не один?

Но ничего лучшего Корди не сумел придумать. Как ни верти, начать следует с этого, наверняка очень опасного противника. Юноша вынул меч, бросился к спящему зверю и всадил клинок в глазницу. Клинок прошел удивительно легко, погрузился на две трети длины, проткнул мозг. Тут медведь взревел, поднимаясь на лапы и умирая. Рукоять с невероятной силой дернулась в ладони Корди, огромная спина уперлась в лестницу – зверь не остался на четырех лапах, он вздымался на дыбы, лестница затрещала, ломаясь посередине, со звоном лопнули удерживавшие ее канаты, Корди вцепился в оружие обеими руками, подошвы оторвались от земли, рядом хлестко ударил обрывок веревки... Юноша ощутил, что летит, выпустил рукоять... перевернулся, ударился спиной о твердое, вцепился в подвернувшуюся ветку, подтянулся. Медведь уже ревел тише, с каждым хриплым выдохом из пасти и ноздрей выплескивались тугие струйки.

А дворец просыпался – Корди слышал мягкий топот лап, где-то над головой захлопали большие крылья, кто-то пищал, кто-то отрывисто тьякал. Если Феттах хоть немного преуспел в своих ученых занятиях, звери обнаружат мертвого стража и поднимут тревогу. Должно быть, известят хозяина – известят не сразу, а когда разыщут в лесу, ибо здесь Лорда нет. Корди не чувствовал присутствия Лорда Тьмы поблизости, где-то в глубине под дворцом таились сгустки зла, даже довольно крупные, но мощного черного сияния, какое пылает в груди любого Спасителя Мира, собиратель не ощущал.

Юноша высмотрел над головой удобную ветку, перебрался повыше, затем еще и еще. Он полз к верхним этажам. Пусть звери ищут чужака у входа, рядом с убитым медведем, а Корди начнет сверху.

* * *

Ленлин был в восторге – въезд в Раамперль обернулся триумфальным шествием. Поэт снова и снова распевал куплеты попеременно о волке и о Прекрасном Принце, толпа шагала за их повозкой, встречала радостным воем всякое слово Ленлина. Толпу завести легко, а весть о гибели Лорда Тьмы оказалась именно такова, что люди увлеклись и заинтересовались.

У перекрестка добродушный купчик, который позволил им ехать на собственной телеге, развел руками – ему на рынок. Поэт спрыгнул на мостовую, подал руку Элине. Девушка хмурилась, ей надоело поминутно размахивать красным халатом и повторять: «Ну да, да, убил Прекрасного Принца, да... убил Прекрасного Принца, да, да...» – хотя ее ответов почти не слушали.

А вокруг шумела толпа. Люди требовали петь еще, предлагали пустить по кругу шапку. Ленлин выбрал подходящее местечко, груду камней и досок, сваленных на углу, – кто-то собирался подновить дом. Элина тем временем отвязала от телеги лошадку Корди. Взобравшись на штабель, блондин тряхнул шевелюрой и объявил:

– Спою еще разок! А потом – в «Большую кружку»!

– В «Большую кружку»! – подхватила толпа. – Давай, парень, пой! Пой продохлого Прекрасного Принца! Давай, давай! Эй, дайте кто-нибудь шляпу, я за такую новость шульдов не пожалею!

– А я пятак дам!

– И я!..

Ленлин запел. Он видел вокруг радостные лица, блестящие глаза, улыбки... Поодаль остановилась группа орденских воинов в белом, они сидели на лошадях и глядели на поэта с Элиной поверх голов зевая. Позади всадников – выкрашенная в серое тележка, воины окружали ее, как будто охраняли от толпы. Эти не улыбались. Ленлин заметил, что самый молодой из орденских, похоже, разругался с прочими, сердито махнул рукой, прыгнул на мостовую и стал обходить слушателей, протягивая шлем. Зазвенели монетки.

Теперь Ленлин исполнил обе песни от начала до конца, не путая куплетов. Потом поклонился и прыгнул с импровизированного подиума. Толпа взвыла – горожане рукоплескали и орали. Элина даже растерялась и непроизвольно сделала шаг назад, за спину поэта. Тут к ним протолкался молодой орденский воин и протянул шлем. Он ужасно смущался и покраснел, когда обратился к Элине:

– Найдется куда переложить?

Девушка вытасила из-за пояса Ленлина кошелек и протянула воину. Тот ссыпал деньги и, глядя под ноги, спросил:

– А это правда? Насчет Лорда Тьмы?

Толпа выла, а юноша говорил тихо, но Элина расслышала. Или просто догадалась – этот вопрос ей сегодня задавали раз сто, наверное.

– Правда, – кивнула девушка, – мы с Корди его убили. Нет больше Алхоя Прекрасного Принца.

Потом неожиданно для себя самой добавила:

– Пойдем с нами, а? Здесь есть какая-то «Большая кружка»... Меня Элиной зовут.

– А меня Кервином... Я не могу с вами, мне и так влетит за то, что я подошел. – Оба оглянулись – орденские по-прежнему маячили в отдалении. Они не спускали глаз с пришельцев, и лица у всех были очень серьезные. – Если получится, я потом в «Большую кружку» приду.

Певец тем временем нес какую-то белиберду насчет пришествия героя, который победит зло в Круге. Элина ткнула его локтем и буркнула:

– Идем в твою «Большую кружку», нам денег дали. А свои глупости будешь рассказывать по дороге.

Ленлин не обиделся, он улыбался широко и беззаботно, потому что его песни всем нравились и потому что все кругом тоже улыбались. Легкомысленному бродяге этого было довольно, о деньгах он вовсе не думал.

В «Большой кружке» гостей уже ждали. Хозяин каким-то образом прослышал о пришельцах и был готов к их появлению. Встретил у дверей, умильно улыбаясь, широко повел рукой, приглашая в зал:

– Отважным героям – честь и место! Позвольте угостить, дорогие мои! Заходите, выберите стол, ешьте, пейте, шульда не возьму, ежели почтенный поэт изволит немножко спеть...

– У нас есть деньги, чтобы расплатиться... – начала было Элина.

Блондин отстранил девушку и заявил:

– Спой! Конечно, спою! И не немножко, а очень даже множко! Только вот поесть бы сперва, дух перевести... мы с утра в дороге.

– Конечно, конечно. – Толстый хозяин засуетился, провел к столу, самолично отодвинул стул, помогая Элине расположиться. Девушка фыркнула, но воспользовалась любезностью.

А следом ввалилась толпа – такая, что и места не хватило, люди начали ссориться, но хозяин объявил: ради такого случая сделает исключение, выставит вдоль стен лавки и велит

прислуге обходить гостей, принимать монету и наливать. Вообще-то, в «Большой кружке» строго, иначе, нежели за столом, пить не позволено, да ведь праздник нынче! Не каждый день приходит такая славная весть! Нет больше Алхоя! Сгинул проклятый Лорд!

Вокруг зашумели, несколько человек принялись колотить пустыми кружками, требуя пива. Им захотелось непременно выпить за упокой черной души Прекрасного Принца. В помещении сразу стало душно, и хозяин велел распахнуть пошире окна. Элина увидела – на улице тоже собралась толпа. Эти одеты победней – должно быть, жалеют денег на пиво, но хотят послушать песни Ленлина хотя бы через окошко. Девушка удивилась – да что такого в Ленлиновом искусстве? Ей ни капельки не нравилось...

Тут появился хозяин с мисками – дорогих гостей явился угостить сам, оказать честь. Да и то понятно – прислуга сбивалась с ног, расставляя лавки и носясь с подносами да кувшинами. Элине стало скучно, а поэт чувствовал себя как рыба в воде – это и была настоящая жизнь, как он ее представлял...

Но начать песни Ленлин не успел – в дверях возникла суeta, люди задвигались, освобождая проход. Даже кабатчик оставил гостей и устремился к входу, чтобы встретить новых посетителей. Оказалось, явились представители магистрата во главе с коротышкой – главой Совета. Предваряли его стражники, все как на подбор – усатые, дородные, краснолицые. Хотя им и без того уступали дорогу, слуги закона покрикивали и значительно помахивали дубинками.

Синдики прошествовали к столу, за которым устроились Ленлин с девушкой. Тем пришлось подняться и отвесить представителям власти поклон. Толстяк, возглавлявший процессию, откашлялся... прочистил горло... он не знал, с чего начать.

– Э... дошли, стало быть, слухи... слухи об... убийстве Лорда Тьмы Алхоя, – наконец промямлил синдик.

– Ну, отвечайте! – прикрикнул стражник, выдвигаясь из-за спины начальства.

– А нас ни о чем не спрашивают, – буркнула Элина. Она и так-то была сердита, потому что вспомнила – здесь, на раамперльском рынке, ее продали слугам Алхоя, а из-за грубости стражника разозлилась еще больше.

Чтобы уловить настроение девушки, вовсе не нужно было являться тренированным собирателем зла, синдик прекрасно догадался, что собеседница не в духе. В другой ситуации он бы проявил характер, но сейчас ссориться с мелкой злокой было не с руки. Толстяк снова откашлялся и движением руки остановил стражника.

– Э... милая дева, ответь, правда ли, что сей владетель... э... именуемый Алхоем Прекрасным Принцем, скончался?

– Скончался, – подтвердила Элина. – Той же самой смертью, какой девушек предавал. Вот его халат! Хотите примерить? В плечах будет широк!

Девушка с размаху шмякнула на стол сверток. Кто-то в зале рассмеялся. Раздался выкрик: «Зато на брюхе не сойдется!» Стражники стали сердито озираться, и тишина восстановилась.

– А вот и сапожки! – Обувь рухнула поверх красного одеяния Лорда. Взлетело облачко пыли. – Можем мы теперь пообедать?

Толстяк постарался выдавить улыбку. Получилось так себе, неубедительно.

– Ну-ну, милая, зачем же сердиться? Я – при службе, я ведь не для себя, не из праздного любопытства спрашиваю. Уж больно новость – того. Удивительная.

– Прекрасного Принца сразил в бою отважный воин Корди, – объявил Ленлин, – тот самый, который избавил славный Раамперль от оборотня! Я сейчас собираюсь спеть баллады собственного сочинения о славном Корди. Ежели вашей милости угодно послушать...

– Баллады... – Синдик задумался. Он боялся поверить. А что, если здесь обман и Лорд Тьмы жив-здоров? На всякий случай толстяк избегал называть Алхоя злодеем или иным бран-

ным словом, сказал «владелец». – Баллады – это прекрасно, но хорошо бы доказательства. Ты, парень, сам видел смерть Прекрасного Принца?

– Я нет, – признался Ленлин, – но вот она...

– Я видела, – буркнула Элина. – И даже помогла. Немного.

– Помогла?

– Стукнула Алхоя по башке кувшином, так что во все стороны брызнуло!

– Э... что, прошу прощения, брызнуло? – Синдик заподозрил обман. Вряд ли субтильная девица могла нанести серьезное увечье Лорду.

– Вино, – спокойно пояснила Элина. – В кувшине было вино, я этим кувшином врезала Алхою сзади что был сил, и вино брызнуло. Показать, как это было?

Девушка приподняла кувшин с пивом.

– Нет, нет, – синдик нынче соображал на редкость медленно. – Но все-таки доказательств бы... Тебя, милая, никто здесь не знает.

– А я не собираюсь ничего доказывать! Вот еще! Меня спрашивают, я отвечаю, как было дело. А не хотите верить – мне все равно!

– Но ведь вы же разносите... Э... сообщение...

– Это вот он разносит, – Элина ткнула локтем Ленлина, тот вздрогнул. – А я не разношу.

– А я вот верю, – раздался спокойный голос. Синдик обернулся – рядом, за соседним столом, сидел Ойрик. – Я сразу поверил, потому что видел нашего отважного героя, нашего славного юношу в деле. Он в два счета разделался с волком, такой может и с Лордом Тьмы совладать! Если не он, не наш великий герой, то кто же? Кому по плечу этот подвиг? Уж не добрым ли братьям из Ордена? Ха!

Компания бражников, которых хитрый старик прикармливал, была тут как тут. Бездельники тут же заорали в поддержку – уже мастер Ойрик-то человек рассудительный, ему следует верить! Уж он-то отважному герою – первый друг! Герой Ойрику наследство оставил! Уважил старика! Синдик стушевался, пробормотал что-то в знак согласия и под крики гуляк удалился, тщетно вытягиваясь во весь невеликий рост и стараясь выглядеть гордо и независимо.

Ойрик подмигнул Элине:

– Помнишь меня, девонька?

Девушка сморщилась, лицо старика казалось знакомым, но узнать прежнего оборванца в прилично, даже богато, одетом господине она не могла.

– Ай-яй-яй... – притворно расстроился бывший невольник, – а ведь в одной клетке нас проклятый оборотень держал, вспомни-ка!

– Оборотень?

– Грод. Работорговец Грод, он и был раамперльским волком. И меня сожрать совсем уж собрался этот зверь, да наш славный герой спас, вырвал, можно сказать, из волчьей пасти.

Элина сморщила лоб – вот оно как все закрутилось, ой, как все вышло-то... а вокруг шумели гости «Большой кружки», и Ленлин уже вовсю работал ложкой – ему не терпелось скорей начать песни...

* * *

Когда штурмовая башня двинулась к воротам Айхерна, наконец пошел первый дождик. Слишком поздно. Мелкая серая морось, которая неторопливо сеялась с затянутого тучами небосвода, не могла промочить землю настолько, чтобы увязли широченные колеса машины Ройнгарда. Колеса эти, огромные, едва ли не в два человеческих роста диаметром, глубоко вдавливались в дерн. Солдаты Железной Руки старательно выравнивали дорогу, по которой должно было следовать чудовищное сооружение, убрали крупные камни, засыпали щебнем неровности. Но башня раскачивалась и ужасающе скрипела при движении. Перемещалась она

очень медленно, тридцать человек, размещенных на первом уровне, обливаясь потом, толкали ее. Стрелки, расположившиеся наверху, присели и вцепились руками в борта.

Арбалетчики на галереях внимательно следили за стенами и при малейшем движении засыпали бруствер болтами. Горожане толпились у бойниц, с ужасом наблюдая, как чудовище ползет к городу. С запозданием пришли в действие катапульты Айхерна, однако расчетам никак не удавалось взять верный прицел – ни один снаряд не попал в башню. Случайным камнем разбило часть галереи, обломки ранили троих арбалетчиков Ройнгарда, однако теперь этот успех не радовал защитников. С башней они не смогли ничего поделать. Старшины велели заложить камнем портал ворот. Многие теперь принялись ругать синдигов, которым не пришлось в голову отдать этот приказ раньше – если начать заблаговременно, проем можно было бы перегородить каменной кладкой, превратить в продолжение стены. Конечно, ворота после этого станут невозможно использовать по назначению, но какой прок в воротах, если гибнет город?

Более рассудительные твердили, что каменная кладка не остановит машину Капитана, в старых книгах описаны осады, когда такие тараны разбивали стены, а не ворота...

Кому-то пришлось в голову, что нужно навалить камней снаружи перед воротами – тогда штурмовая башня не сможет подойти вплотную. Страх придавал бюргерам сил – они потащили тяжеленные глыбы на бруствер, чтобы сбросить оттуда вниз. Арбалетчики будто того и ждали – они открыли такую плотную стрельбу, что со стен свалилось мертвецов куда больше, чем камней. Айхернцы стали действовать осторожней, теперь они пригибались и не показывали голов из-за парапета – но было поздно, башня приблизилась настолько, что с верхнего этажа уже стало возможно вести обстрел городской стены. Хотя башня раскачивалась и тряслась в движении, стрелки с верхнего уровня били достаточно метко, чтобы заставить горожан отступить.

Айхернцы возвратились, загородившись щитами. Плетеные обтянутые кожей легкие щиты не годились – с такого расстояния арбалетный болт прошивал насквозь хлипкую преграду и сохранял убойную силу. Горожане принесли кованые щиты и под их прикрытием все же сбросили несколько больших камней перед воротами. Башня приближалась. Время от времени из отверстий в толстых бортах выплескивалась вода, струйки окатывали ступицы гигантских колес. Солдаты лили воду, чтобы охладить раскаленные трением поверхности.

Когда от подножия стены машину отделяло пятьдесят шагов, айхернцы зажгли на стрелах промасленный войлок и утыкали стены чудовища горящими снарядами. Со стен вслед за камнями полетели вязанки хвороста и кувшины, наполненные маслом. Огонь под стенами разгорелся такой жаркий, что башня остановилась, а защитникам пришлось отступить в стороны.

Когда пламя опало, стало очевидно, что башне не причинили ни малейшего вреда. Бычьи шкуры, которые покрывали ее снаружи, были пропитаны негорючим составом, который Капитан купил у Лажваша Моровой Язвы. Единственным следствием применения огня стала остановка башни – ее экипаж, или, выражаясь иначе, гарнизон, израсходовал воду, предназначенную для охлаждения ступиц. Когда под ноги солдатам потекло горящее масло, они потушили пламя, но сгоряча вылили весь запас.

Тут наконец камень, выпущенный из катапульты, ударил в борт башни. Сооружение содрогнулось, внутри зазвенело оружие, раздались проклятия... Защитники разразились радостными воплями... и смолкли. Башня устояла, стало очевидно: катапульты не повредят ей.

Арбалетчики снова осыпали бруствер болтами. Горожане присели за парапетом, слушая, как стальные снаряды звонко щелкают о камень совсем рядом. Тем временем несколько солдат Железной Руки перебежали к башне и передали внутрь кувшины. Айхернцы, спохватившись, пустили несколько десятков стрел и даже подстрелили одного из водоносов. Арбалетчики дали новый залп и сразили с десятков айхернцев, но это уже было неважно. Пламя опало, и башня была готова продолжить движение.

* * *

Бремек устал – настолько устал, что даже не смог в полной мере ощутить разочарования. Охотник с удивительной ясностью осознал: добрый Дорчик пальцем о палец не ударит, чтобы остановить собирателя. Этого рохлю заботит одно: как бы не испортить отношения с раамперльской общиной. Астус мыслил шире, а Дорчик... Дорчик не видит дальше собственного носа, у него теперь единственная цель: сохранить за собой пост главы богатого представительства. Мерзавец верно рассчитал: Бремек, после того как уедет в Дом Света, уже не станет возвращаться в это захолустье, чтобы свести счеты с ничтожным братом Дорчиком, ему так и сойдет с рук.

Здесь, в Раамперле, не удастся сделать ничего, тупица Дорчик не хочет предпринимать никаких активных действий. Он вполне доволен ситуацией – такой, какова она сложилась нынче, – и не желает ловить рыбу в мутной воде. Видя ограниченность и недалекость Дорчика, охотник тем не менее уже не имел сил даже на то, чтобы возмутиться по-настоящему...

Несмотря на усталость, Бремек решил отправляться в путь. Если в Раамперле он бессилен, то в Доме Света сумеет повлиять на ход событий! Для этого требовалось привезти побольше улик и хотя бы одного свидетеля. Хотя бы единственного, зато толкового. Ловчий вступился за Кервина, когда на парнишку набросился Дорчик. Рыцарь накричал на юного воина за то, что тот беседовал с девушкой, спутницей Ленлина.

Окончательно рассорившись с красноносом, Бремек вытребовал Кервина в сопровождающие – мол, он сейчас все равно что калека, ему нужна помощь, чтобы передвигаться. Он не стал объяснять Дорчику, что паренек нужен для доклада в Доме Света – тогда упрямый рыцарь мог бы воспротивиться.

Перед юношей ловчий тоже не стал раскрывать всех планов, сказал так: «Дружок, зачем тебе протирать штаны в этом захолустье? Судьба Круга решается не здесь! Поедем со мной, повидеешь иные земли, да и это ничтожество, добрый Дорчик, более не будет над тобой начальником. Я вижу, ты ловкий, исполнительный, у тебя большое будущее, но не здесь». Кервин, конечно, с восторгом принял предложение, он уже понял, что погорячился и навсегда испортил отношения с новым начальником, а Дорчик демонстративно плюнул на пол и сказал, что ему в представительстве впрямь не нужны смутьяны...

Поскольку увечный Бремек не мог держаться в седле, было решено отправляться по воде – на корабле вниз по Боделю. Хотя Кервин с утра был на ногах и порядком умаялся, но без жалоб помчался на пристань – искать подходящее судно. Парню хотелось продемонстрировать новому покровителю, какой он, Кервин, бойкий и неутомимый. Корабль нашелся – тихоходная барка с единственным квадратным парусом. Шкипер вез на север груз шерстяной ткани, но не возражал взять на борт пассажиров, даже согласился уступить собственную каюту – крошечную каморку на юте. Ради пригоршни серебра, которую посулил Кервин, шкипер был готов спать в кубрике с матросами. Как в молодости, «когда был юношей вроде тебя и не заботился об удобствах» – так он сказал Кервину.

Путешествие получится долгим и скучным, зато доставят точнехонько к Дому Света, шкипер согласен сделать остановку. Эти соображения Кервин изложил ловчему, тот согласился.

Отчаливала барка поздно вечером, шкипер дожидался последней партии товара, которую обещали доставить перед закатом. Бремек быстро собрался – собственно, имущества при нем было немного, а лошади, на которых они с Хагнеем отправились из Дома Света, принадлежали Ордену, животных оставили в раамперльском представительстве. Наконец Бремека со всеми

мыслимыми предосторожностями усадили на самую смирную лошадку, какую только удалось сыскать, и ловчий с оруженосцами отправился на пристань.

Поскольку час был поздний, рынок пересекли без помех, даже не пришлось сворачивать в невольничий ряд, где попросторней. Бремек сидел в седле, скособочившись, чтобы уберечь при тряске больные места, иногда оруженосцы, шагавшие по бокам, поддерживали его то справа, то слева.

На пристани и на кораблях горели фонари. Погрузка была в разгаре, и матросы, обливаясь потом, помогали нанятым грузчикам, чтобы поскорей закончить и отправиться под вечерним ветерком. Даже по течению неуклюжее суденышко двигалось медленно, и моряки дорожили попутным ветром.

Шкипер оглядел обмотанного бинтами рыцаря и бравых охотников – оруженосцев Бремека. Покачал головой и пригласил занимать каюту. Похоже, гости ему не понравились, но корабельщик не сказал ни слова, раз за проезд уплачено, остальное – неважно. В тесной комнате, предоставленной пассажирам, была лишь одна койка, ее, конечно, предоставили Бремеку, остальным пришлось довольствоваться мешками с шерстью, которые составляли часть груза. Шкипер потребовал, чтобы с его товаром обращались осторожно, и отправился на берег – наблюдать за погрузкой.

Бремек свалился на жесткий тюфяк. Корабль еле заметно покачивался на быстрой воде Боделя, за стеной вполголоса ругались грузчики... «Ну, вот и все, – подумал ловчий, – прощай, Раамперль...» И уснул.

* * *

В тот самый миг, когда Бремека везли через обезлюдевший рынок, в домике позади клеток невольничьего ряда Ойрик толковал с подручным:

– Здесь дело перестанет приносить прежние прибыли. Я верю, что Алхой убит, это значит – прощайте, ребята в красном, покупающие молодых девок. Пора попробовать кое-что новое. Ты следишь за событиями на севере? Нет, конечно?

Они сидели за столом в темной клетушке, посередине между ними едва теплился огарок, и бесформенная тень старика – огромная, раза в три больше, чем хлипкий Ойрик, ползала по стенам, будто гигантский слизень.

– Да на кой мне... – Пегий не понимал, куда клонит хитрый старик.

– Нынче все помешались с этим рифмоплетом и его побасенками насчет Прекрасного Принца. А нынче корабельщики привезли новость: Лорд Железная Рука осадил Айхерн. Что это значит?

– Ну, и что?

– Капитан возьмет город, вот что! Будут пленные, будут беженцы! Дешевый товар, понял?

– Понял. Так где мы, а где этот самый Айхерн! Дорога далекая, а как товар стеречь, как в дороге кормить...

– Это моя забота. Завтра отправляемся. Я сговорился с хозяином барки, помнишь нашу первую сделку? Вот он самый. И барка у него подходящая, приспособленная под наш товар, и сам он человек как будто надежный. Повезет нас на север и будет ждать, пока мы наведемся к Капитану. Я думаю, пока корабль спустится по Боделю, Айхерн уже падет.

– А если Лорд и нас – того?

Ойрик усмехнулся:

– Это не исключено. Но переговоры с Ройнгардом я беру на себя. Думаю, у меня найдется что предложить Железной Руке... А тебе предстоит еще одно дельце. Помнишь, орденского, который тебя искал нынче?

– Да с чего ты взял? Может, он вовсе и не меня...

– Может, и не тебя. Но я не советую тебе рисковать. Этот человек опасен. Разве ты не видел, какой у него взгляд? Уж ты мне поверь, я разных людей насмотрелся... когда с другой стороны решетки смотришь, со-о-овсем по-другому люди выглядят... И похожих на этого, из Ордена, я видал – ох, как много. Такой не отступится. Да ты не бойся, я все придумал так, что комар носа не подточит.

– Ну?

– Слушай и запоминай. Барка выйдет поутру, нас многие увидят на борту, будто мы покидаем Раамперль. После этого тебя в городе нет, подозрений никаких. Мы идем вниз по реке и останавливаемся на сутки. Закупаем овощи, здесь дешевле. Товар в дороге кормить будем овощами, смекаешь? Дорога-то дальняя.

– Ну...

– Так вот, пока барка будет стоять на приколе, ты возвратишься в Раамперль. Ночью, чтобы тебя никто не видел. Сладишь дельце, и назад. Я без тебя с места не двинусь, дождусь. Однако и ты уж поспеши, чтобы с утра был на борту. Снова все увидят, что ты не в Раамперле, а далеко. Никто и не помыслит, что это твоя работа.

Пегий вцепился в бороденку и сильно потянул. Он думал, и с непривычки было трудно. Теперь служба у Ойрика казалась не такой уж привлекательной. Нет бы сидеть на месте, в тепле и уюте, обделывать торговые делишки, на законном основании раздавать пинки и зуботычины товару... Вот это славная жизнь!

Так ведь нет – старикашка собирается на север, да напрямиком в зубы Лорду Тьмы. Однако деваться было некуда, Ойрик держал подручного за горло мертвой хваткой. Бывший невольник так запугал Пегего, что тот боялся даже сбежать от старика. Хотя случай выдался неплохой – Ойрик на сутки оставлял без присмотра... но Пегий боялся ослушаться, он уже созрел для убийства злополучного орденского брата.

* * *

Феттах Повелитель Зверей сперва не понял, о чем трещат птицы. Целая стая появилась над ним – твари бестолково металась, хлопала крыльями, садились господину на плечи и тут же взмывали. Птицы были напуганы.

Лорд Тьмы широко взмахнул руками, так что взметнулись полы меховой накидки, и низко рыкнул, призывая молчать. Птицы разлетелись, будто их подхватил ветер, поднятый взмахом Повелителя Зверей. Они расселись на нижних ветках по кругу около хозяина и притихли. Лорду требовалось время, чтобы подумать – живя в лесу среди животных, он сделался тугодумом.

Феттах оставался у границы с Алхоем и тщетно пытался разобраться, что произошло, какая причина могла заставить слуг Прекрасного Принца решиться на самоубийственный поход. Если бы при Повелителе Зверей состояли люди, он мог бы послать их парламентарями либо лазутчиками, но – увы. Его подданные на это дело не годились. Феттах отправился лично, понаблюдав за пустынной полосой, отделяющей его леса от владений Прекрасного Принца, даже пересек ночью равнину – округа была пустынна и спокойна... И вот на границе Повелителя Зверей отыскала галдящая стая.

Лорд поднял руку и указал на одну из птиц. Эта вроде сообразительнее товарок. Сорока сорвалась с ветки, стала кружить над Повелителем Зверей и верещать о крови и смерти. Птица была перепугана. Феттах свистнул, подзывая свиту. Хищники сейчас не пойдут за ним, они даже на зов не откликнулись. Эти звери не покинут места великой битвы до тех пор, пока не сожрут тела. Будут есть до отвала, лениво рычать друг на друга, бродить между останков, сытые, удовлетворенные... будут есть, спать и снова есть...

На зов к Феттаху сбежались щенки-оборотни. Им было скучно просто есть и спать, волчатам хотелось новых игр и развлечений. Во главе визжащей и кувыркающейся свиты Лорд Тьмы двинулся к лесному дворцу. Оборотни не разделяли страха птиц, хотя прекрасно поняли, из-за чего пернатые подняли гвалт. Щенок кровь не пугала, под защитой Феттаху они привыкли чувствовать себя в безопасности. Для них кровь и смерть означали добычу, сытную еду, а если повезет, то и развлечения.

Крылатые гонцы отыскиали Лорда поутру, а шагать через лес пришлось долго – до самого вечера. В лесу темнеет быстро. Не успеешь оглянуться, и тень из-под разлапистых елей выползет, окрепнет, сольется с темнотой, сходящей сверху, с небес. Небо – изрезанные узорчатые прорехи в листе – наливается густой синевой, теряет легкомысленный голубой оттенок... и вот уже в лесу сумерки.

На поляне перед дворцом было еще достаточно светло. Феттах вышел из-под елей и остановился на опушке. Волчата высыпали из тени следом – все, кроме Мая, в зверином обличье. Тот – на двух ногах и с подобранным мечом. Щенки замерли, втягивая воздух. Пахло кровью. Никаких других запахов – только кровь. Звериная, птичья... Для того, кто обладает тонким волчьим нюхом, очевидны оттенки. Феттах вглядывался в безмолвную громаду дворца. Он уже различал птичьи тушки, висящие на карнизах и зацепившиеся за сучья дубов, поддерживающих здание. Повелителю Зверей было ясно, что произошло – птицы нападали на пришельца и гибли одна за другой. Снаружи они могли бы взять числом, оглушить криком, ошеломить, набрасываясь сразу со всех сторон, но в узких переходах лесного дворца маленькие храбрые защитники оказались бессильны перед вооруженным человеком. Толстый ленивый медведь, который обычно валялся под лестницей, не подавал признаков жизни. Сама лестница была наполовину оторвана и висела наискось, опираясь на стену заметно ниже дверного проема. В сумеречном свете на грязной древесине выделялись потеки крови, облепленные перепачканными свалявшимися перьями.

Волчата занервничали. Они тревожно поглядывали на Повелителя Зверей, приподнимались, меняли облик и снова опускались на четвереньки. Май, держа меч перед собой, сделал шаг, еще. Волчонок медленно шагал к лестнице. Приблизился, заглянул в тень.

– Не-у-у-ут мишки, умер-р-р...

Феттах медленно двинулся за Маем и встал за спиной юнца. Щенок сделал неуверенный шаг, потом еще. Вокруг его приятели один за другим приподнимались на задние лапы и оборачивались людьми. Когда лестница выломана и еле держится – для подъема больше годятся человеческие ноги. Похоже, Май трусил, но шаг за шагом поднимался к темному входу.

– Стой! – бросил Феттах. – Вернись.

Повелителю Зверей стало не по себе. Волчонок с трогательной отвагой шагал навстречу неизвестной опасности, он был готов закрыть собственным тщедушным телом могущественного Лорда, а Феттах не решался подняться по окровавленным ступеням. Проклятие! В собственный дворец он войдет первым!

Май оглянулся.

– Я сказал, вернись.

– Опасно-о-у...

– Вот поэтому.

Май – похоже, с облегчением – возвратился к подножию дворца. Феттах отстранил юнца и первым шагнул на лестницу. Ступени заскрипели и прогнулись под грузным телом. Лестница вздрогнула, но удержалась, не свалилась под весом грузного Лорда Тьмы.

* * *

Ленлин, как и предупреждал накануне, пил без меры. Закончив песню, он хватал, что попадало под руку – кружку, а то и кувшин, и жадно хлебал, пиво стекало по румяным щекам и заливало разноцветные ленточки на камзоле. Элина отодвинулась подальше от охмелевшего певца и уже раздумывала, не напрасно ли она связалась с таким гулякой. Но никто, кроме девушки, не находил поведение Ленлина предосудительным. Да что там! Все пили, разбрызгивали пену, всем было весело. Блондин распевал куплеты, толпа орала, когда песня заканчивалась – люди стучали кружками, требуя продолжать. Те, кто расположился на лавках вдоль стен, хлопали себя по ляжкам...

Хозяин и дочка попеременно подносили к столу Ленлина кувшины, веселье разгоралось, хотя уже давно перешагнуло тот рубеж, до которого просто «весело». Кое-кто начал буянить, в дальнем углу поссорились приезжие купцы... хозяин со здоровенным вышибалой увещевали драчунов, потом пинками выгнали кого-то за порог.

Когда раскрасневшийся кабатчик в очередной раз оказался у их стола, Элина спросила, найдется ли комната, чтобы переночевать.

– Конечно, найдется! – заверил хозяин. – Я вам славную комнатку приготовил, живите, сколько пожелаете! Только чтобы песни каждый день, очень они мне по душе, песни-то. И людям нравится.

Элина фыркнула, но звук потонул в шуме.

– Я с этим пьяницей? Вместе? Нет, мне нужна отдельная комната, я заплачу, у меня есть деньги!

Хозяин криво ухмыльнулся и развел руками.

– А других комнаток-то и нет, все заняты. И этой, что я для вас приготовил, не было бы, ежели б я не обеспокоился заранее.

– Тогда я ухожу. – И девушка завозилась, выбираясь из-за стола.

– погоди, девонька, – остановил ее хозяин, – послушай меня. Ну куда ты ночью-то? Оставься. Вот попомни мое слово, этот молодчик здесь же за столом и заснет, уж я-то знаю. Так что никто тебя нынче не побеспокоит, ну а завтрашний день покажет, как быть. Держи ключик, ступай.

Элина взяла ключ и отправилась наверх – спать. Ленлин даже не заметил ее ухода. Встала девушка рано и спустилась в зал, поглядеть, как там спутник. Жив ли? В трапезной повсюду живописно перемежались огрызки, хлебные корки и лужи пролитого пива. Ленлин покоился за столом, уронив голову на сложенные руки. Лютя лежала на столе перед поэтом – заботливо упрятанная в чехол. Элина не удержалась и провела ладонью по спутанным кудрям.

– А? – Ленлин поднял голову и зевнул. – Ух ты, уже утро! Здорово!

Поэт обладал удивительным качеством – находить повод для восторга в любом событии. Элина плюхнулась за стол:

– Что будем делать?

– А что? – удивился Ленлин. – Я буду петь, а ты... хм, да. А что ты хочешь делать?

– Я хочу найти Корди.

– Это само собой разумеется! – с энтузиазмом подхватил Ленлин. – Я тоже хочу его найти. И потом, у меня его лошадь. Вернее, у нас. Но как его найти? Где он? Куда подевался?... Я думаю, мы вскоре услышим, что некий герой сокрушает зло в Круге, и едва станет известно о гибели какого-нибудь великого злодея, мы тут же отправимся туда. Потому что герой – это и будет Корди!

– Так что, ничего не делать? – уточнила девушка. – Просто петь и по-скотски лакать пиво?

– Не нужно сердиться, – примирительно протянул Ленлин. – Я ведь предупреждал, что искусство меня увлекает и я, когда пою, не замечаю, сколько выпито... а что за старичок с тобой беседовал? Ну, когда этот надутый толстяк из Совета пришел?

– Надо же, ты заметил, что я с кем-то беседовала! – ядовито заметила Элина. Но она уже успокоилась, раздражение улеглось. – Это тот самый, которого Корди спас от волка.

– Ох, а я его не узнал... тот был такой... пришибленный. Трясущийся такой.

– А знаешь, меня волк продал.

– Чего?

– Меня продали здесь, в Раамперле, слугам Прекрасного Принца. А купец, который... ну, который меня, значит, продавал – он и был волком. И старик там был, в клетке. Ты еще говорил, что любое доброе дело возвращается сторицей и что подарок, который Корди сделал этому старичку, вернется к нему добром... Помнишь?

– Конечно, вернется! Мы же в Круге!

– Получается, мы с этим человеком сидели в одной клетке, а Корди спас нас обоих. И меня, и его... Как странно.

– Да, странно.

Оба умолкли. Но, в общем, история, приключившаяся с ними, могла бы показаться еще более странной, если бы случилась не в Круге. Этот край тем и отличался от прочих, что внутри Завесы все вертелось, возвращалось к истоку, повторялось снова и снова.

Айхерн облетела весть – машина Лорда Ройнгарда достигла ворот! Горожанки хватали детей и тащили в подвалы – прятаться. Мужья спешили с оружием к южным воротам, хотя никто не верил, что удастся отбиться, если солдаты Железной Руки проникнут за стены. Жители города не хотели драться, но им не оставалось ничего иного...

Слухи, как обычно, несколько преувеличивали – штурмовая башня пока не достигла ворот. Она приближалась, но с каждым шагом все медленнее. Солдаты, приводившие гигантскую постройку в движение, устали, в тесном помещении было невыносимо жарко, к тому же теперь воины шагали по не успевшим остыть углям. Мелкий дождь, не прекращавшийся с утра, не мог погасить и остудить остатки костра, зато воздух наполнился сыростью, в нижнем уровне башни пар мешался с дымом и гарью, солдаты задыхались во влажном удушливом тумане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.